

Адаты лезгин, обычаи и традиции горских народов. Книга подготовлена на базе сайта lezgi-yar.ru. Материал собран из интернета. В частности opendag.ru

«Постановления» кайтагского уцмья Руетем-хана опубликованы А.В. Комаровым в 1868 году в "Сборнике сведений о казских горцах" (вып.1). Подлинник этого правового памятника до сих пор обнаружить не удалось, что в значительной степени затрудняет его исследование.

Помимо опубликованного варианта "Постановлений" имелось еще несколько других, весьма сходных между собой. Один них хранится в Центральном Государственном историческом архиве Грузинской ССР. Как указывается в тексте, оригинал его был составлен на кайтагском диалекте даргинского языка. Имеются сведения еще о двух вариантах «Постановлений» Руетем-хана. М.М. Ковалевский, посвятивший специальную статью этому памятнику, пользовался вариантом, принадлежавшим управлению Кайтаго-Табасаранского округа. Еще об одном варианте упоминается в числе материалов обычного права, переданных в свое время Новороссийскому университету (речь идет о материалах Ф.И.Леонтовича).

В опубликованном А.В. Комаровым переводе подлинника указывается, что "Постановления" записаны; в XII в. до р.х. и находились на хранении кадия магала Гапш. А.В. Комаров, а вслед за ним Ф.И.Леонтович приняли на веру дату составления сборника, без критического анализа содержания памятника.

Другая точка зрения по этому вопросу у М.М.Ковалевского. Он датировал происхождение сборника годами правления уцмья Руетем-хана, о котором в конце имевшейся у М.М.Ковалевского рукописи сборника значится, что "после смерти отца своего Хана-Магомеда – Уцмья он вступил во владение Кайтагом, что случилось в 1601 году, умер же он в начале 1631 года. Руетем-хан получил две грамоты от Шихъ-Аббаса персидского в 1609 и 1610 годах, а третью – от Шахъ-Сафия в 1629 году»[88].

То, что Рустем-хан был кайтагским уцмием в начале XVII века подтверждается и многими другими источниками. В частности М.Ковалевский ссылается на А.Олеария, который, описывая свое путешествие в Персию в конце 30-х и нач. 40-х годов, писал: «14-го апреля вступил я в область Осман, иначе Исмин называемую, князь которой Рустем держит свой двор в местечке того же имени»[89].

В трудах по истории Дагестана, составленных А.К.Бакихановым и Г.А.Алкадари на основе более ранних источников, также отмечается, что в это время уцмием Кайтага был Рустем-хан, издавший сборник законов.

Правление уцмья Рустем-хана в этот период подтверждается и русскими документами о сношениях русского государства с Кайтагом. В 1618 году терские воеводы сообщили в Москву о том, что кайтагский уцмий "Урустан-хан" (Рустем-хан) прислал грамоту на Терек на имя царя и Сунчалая Черкасского с просьбой принять его в русское подданство"[90].

В рукописи о происхождении уцмиев Кайтага говорится, что сын уцмья Хан-Магомеда "...Рустем-хан был человеком весьма распорядительным. Он составил и утвердил письменно государственные законы. Население Кайтага в некоторые моменты обращалось к нему относительно затруднений в государственных делах"[91].

Все приведенные материалы не оставляют сомнений, что происхождение сборника адатов Кайтага связано с именем уцмья Рустем-хана, который управлял Кайтагом в начале XVII в.

Однако это не означает, что "Постановления" следует считать официальным правовым памятником-кодексом Рустем-хана. По содержанию и системе изложения "Постановления" нельзя рассматривать как новый законодательный материал как кодекс Рустем-хана. "Постановления" – это запись правовых обычаев Кайтага XVI- нач. XVII вв. с добавлением некоторых предписаний административного характера, установленные уцмием Рустем-ханом.

В варианте сборника, обнаруженного нами в Грузинском Государственном архиве, имеется пометка "При уцмие Рустем-хане, все жители Уцми-Дарго (Кайтаг), собравшись в деревне Кишья, единогласно установили следующие адаты". В заключении рукописи имеется воззвание к уцмию Рустем-хану и всему народу о необходимости строгособлюдения принятых адатов.

В опубликованном и других вариантах кайтагского свода имеется указание "Кто откажется поступать по этим постановлениям, того изгнать из общества". Все это приводит к мнению оправильности содержащегося в грузинском варианте примечания, объясняющего происхождение сборника. Слова "установление адатов", как говорится в примечании, следует отнести к нормам административного характера, так как включенные в сборник адаты, касающиеся уголовно-правовых вопросов, суть издавна сложившиеся нормы обычного права.

При анализе "Постановлений" Рустем-хана следует иметь в виду, что в изданном А.В. Комаровым переводе вкралась ошибка, оговоренная в конце сборника сведений о кавказских горцах. Все что говорится в этих "Постановлениях" о правах бека, должно относиться к уцмию.

Помимо этого перевод страдает и рядом других неточностей и искажений. Поэтому в тех случаях, когда перевод вызывает сомнения, мы будем пользоваться рукописью из Грузинского архива, которая, на наш взгляд, переведена более удовлетворительно.

Для выяснения причин возникновения и классовой сущности "Постановлений" следует хотя бы кратко рассмотреть социально-экономические отношения и политическую обстановку в Кайтате в период составления этого историко-правового памятника.

Территория Кайтага состояла из магалов (союзы, джамаатовобщин): Терекеме, Башлы, Мира, Гапш, Сюрга, Ганк и других. Сопоставляя эти более поздние данные со сведениями, изложенными в документах XVII в., в которых перечисляются названия населенных пунктов в Кайтаге: «Каракомели»[92]VII в. менялись мало и примерно соответствовали границам XVIII века. (Терекеме), «Башли» «Каракурачи»[93] (Каракурейш), – можно сделать вывод, что граница Кайтага в течение X

В 1728 г. И.Г.Гербер, характеризуя состояние земель и народов, обитавших к западу от Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курюю, сообщает, что Кайтаг с севера граничил с владением шамхала Тарковского и Акушой, на востоке омывался Каспийским морем, на юге граничил с Дербентским ханством, от которого отделялся рекой Дарбах и горными вершинами Гургеляи Баума; в западной части Кайтаг граничил с Казикумухским ханством[94].

О количестве населения Кайтага в XVII в. имеются следующие данные. В 1633 г. уцмий Рустем-хан в грамоте терским воеводам сообщал, что он «учинялся в «холопстве» русскому царю с сорокми тысячами кайдацкими людьми». В 1635 г. уцмий Кайтагский в своей грамоте писал в Москву уже иначе, что он «вступил в русское подданство с шестьдесят тысячами, со всеми своими людьми»[95]. Столь резкое увеличение населения в Кайтаге, вероятно, произошло в результате расширения территории уцмийства за счет соседних обществ.

Основным занятием населения Кайтага было земледелие и скотоводство, причем последнее преобладало в Верхнем Кайтаге. В XVI в. в Кайтаге довольно быстро развивались ремесла и торговля. Наряду с развитием экономики Кайтага, налаживаются его торговые связи с другими народностями Кавказа и России. Этому в значительной степени способствовало оживление торгового пути из России в Закавказье, проходившего по территории Кайтага, вдоль Каспийского моря. В документах о сношениях Кайтага с Русским государством неоднократно отмечается, что кайтагский уцмий использовал эту дорогу в целях обогащения своей казны. По ней привозили товары для продажи в торговые центры России и Кавказа. С торговых караванов, проходивших по этой дороге, взимались большие пошлины.

В начале XVI в. Кайтагское уцмийство выступает в Дагестане как значительное феодальное политическое объединение. Русский путешественник Афанасий Никитин, который побывал в Кайтаге еще в 1466 году, отмечал, что Кайтаг в это время был сильным княжеством, управляемым кайтагским князем Халил-беком[96]. В завещании, которое приписывается аварскому нуцалу Андунуку (1485 г.), говорится, что кайтагский уцмий имел в то время трехтысячное войско. К концу XVI в. Кайтагское уцмийство настолько усилилось, что правители Дербента стали обращаться к нему за помощью в борьбе

против турецкого владычества. Например, в 1606 г. городская знать и шиитское духовенство Дербента просили уцмия Рустем-хана выступить против турок, захвативших город. Уцмий осадил Дербент и заставил неприятеля запереться в городской цитадели. Турецкий комендант Дербента Резер-Гасан, видя бесполезность сопротивления, сдался[97].

Возросшая роль феодальных владетелей была следствием сдвигов, происходивших в социальном строе Кайтага. К этому времени отдельные сельские общества уже не могли противостоять притязаниям кайтагских феодалов и вынуждены были уступить им часть своих земель.

Вместе с ростом феодальной собственности усиливалась эксплуатация крестьян-общинников, что вызывало острое недовольство, нередко перераставшее в открытые выступления крестьян. Так, например, около 1580 года при уцмии Гасан-Али в Кайтаге вспыхнуло восстание раятов, окончившееся выселением многих беков в Янгикент[98]. В то же время произошло восстание в Арджемильском магале, которое было жестоко подавлено[99].

В обстановке обострения классовых противоречий, борьбы сельских общин за сохранение своей независимости и самоуправления уцмии и феодальная знать стремились к укреплению своей политической власти путем установления на территории уцмийства правопорядка, регламентированного определенными юридическими нормами. Принятие сборника кайтагских адатов ("Постановлений») на сходе представителей сеньской знати является отражением и результатом процесса централизации феодального владения и связанной с этим ликвидацией правового партикуляризма.

Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что в сборник Рустем-хана вошли все действующие в Кайтаге адаты. "Постановления" включают лишь основные юридические адаты Кайтагского уцмийства. Р.М.Магомедов правильно отмечая, что, наряду с "Постановлениями" Рустем-хана в каждом джамаате и союзах джамаатов-магалах имелись свои адаты, регулировавшие повседневную деятельность узденей, считает, что "Постановления" применялись в особо трудных делах, когда речь шла о взаимоотношениях между магалами[100].

Эта точка зрения представляется не совсем убедительной. Свод Рустем-хана имел, на наш взгляд, более широкое значение: в нем предусматривалась единообразная ответственность по уголовным и гражданским делам, возникающими между жителями Кайтага, устанавливались определенные обязанности населения в случае войны, походов и т.д.

В тексте "Постановлений" предписывалось, что разбирательство тяжб проходило с письменного разрешения уцмия: «Не читать для того, кто не имеет от уцмия бумаги с приложением его печати. Если же кадии прочитает для того, укого нет письменного разрешения от уцмия, то с него, кадия, взыскивать одну лошадь в пользу уцмия».

Останавливаясь на этом указании, М.М.Ковалевский считал, что уцмий был озабочен сохранением в тайне, содержащихся в своде норм, затрудняя другим возможность судебного разбирательства без его посредничества, являвшегося для него источником

изгнания своей казны за счет тежущихся[101]. Тем самым М.М. Ковалевский своду Рустем-хана придает характер частного юридического сборника. Такое понимание противоречит содержанию и целенаправленности "Постановлений", так как большинство норм, вошедших в сборник, предусматривает выполнение определенных обязанностей и запрета отдельных действий под страхом штрафа. Само собой разумеется, что жители должны были знать содержание свода, чтобы выполнять в нем правила. Вместе с тем, знание их не могло служить препятствием для обогащения казны уцмия. Тяжущиеся, прежде чем обратиться к кадию, вносили плату в казну уцмия и брали у него разрешение на рассмотрение судебного дела.

Запрет разбирательства дел без письменного разрешения уцмия отражает, усиление власти феодального владетеля и, в частности, расширение его судебной компетенции.

Как известно, отправление правосудия всегда являлось привилегией феодального класса. По мере развития феодальных отношений судебные функции приобретали роль одного из атрибутов власти феодального правителя. В начале XVII века, как это видно из «Постановлений», такой процесс имел место и в Кайтагском уцмийстве. Хотя полнота судебной власти в то время принадлежала уцмию, из сборника можно сделать заключение, как будто бы сам народ добровольно наделяет Рустем-хана судебными полномочиями.

В частности в «Постановлениях» записано: "Пусть уцмий наказывает тех, которые делают насилия и притеснение другим и не поддерживает подобных людей; а если он последует по их стопам, то его устранить от должности", "Пусть уцмий ежегодно собирает умных и почетных людей и растолковывает им то, что написано в этих адатх", "Пусть диван будет справедлив и уцмий должен решать все дела по справедливости".

Ко времени появления сборника кайтагских адатов, уцмий уже обладал властью главы феодального объединения с весьма обширными функциями и наследственной властью. Однако в анализируемом нами сборнике приведенные нормы сохранились как пережиток того времени, когда должность уцмия у кайтагов была еще выборной.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что сборник Рустем-хана как и всякий древний памятник права, включает разновременные пласты правовых норм.

В нем сочетаются весьма древние нормы патриархально-родового строя и правовые обычаи, возникшие в процессе развития феодальных отношений. Несмотря на сохранение значительного числа пережитков патриархально-родового строя, «Постановления» вполне определенно отражает процесс феодализации Кайтага, выражающийся прежде всего в классовой дифференциации.

К привилегированному сословию в Кайтаге относились беки, чанки, духовенство, общинная знать – так называемые «умные люди».

Уцмий являлся главой политического объединения, власть его после смерти передавалась старшему из рода уцмиев. В сборнике Рустем-хана дается весьма любопытное обоснование верховенства уцмия над населением. «В государстве без правителя, в обществе без суда, в стаде без пастуха, в войске без разумного, в селе без головы – добра не будет», – гласит один из афоризмов сборника. Нетрудно заметить, что

приведенный афоризм затушевывает деспотический, угнетательный характер власти феодального правителя и представляет ее как постоянную, разумную необходимость общества.

В сборнике Рустем-хана говорится о некоторых функциях уцмий. Уцмий рассматривали судебные дела, собирали ополчение и командовали им при защите от нападения и во время походов. За невыполнение постановлений уцмий было установлено наказание. «Если уцмий поднимет тревогу, то все жители Уцми-Дарго должны бежать к нему на помощь, а тот, кто не пойдет с него взыскать в штраф **1000** локтей холста»; «Если уцмий созывает народ в диван для разбора жалобы, то все должны идти, а кто не явится, с того взыскать в штраф **100** локтей холста».

Установление ответственности за отказ от исполнения предписаний уцмий говорит о том, что в **XVI**-нач.**XVII** в. политическая власть феодального властителя Кайтага еще не получила окончательного утверждения в виду сохранения в этот период значительной самостоятельности общинных организаций.

Укрепление начал государственности в Кайтаге выражено и в уплате джамаатом крупного штрафа, если оно несогласно с решением всего кайтакского общества. В то же время штраф взыскивался и с отдельного лица, если он противоречил джамаату. «С того, кто начнет спорить с джамаатом, – говорится в сборнике, брать сто кари хабцилдику». Все же целый ряд норм "Постановлений" указывают на незавершенность процесса сосредоточения в руках уцмий административно-судебной власти.

К сказанному следует добавить и о наличии в Кайтаге Совета «мудрых» людей – т.е. феодализирующейся общинной знати – ограничивающих власть уцмий.

Существование совета «мудрых» людей, с которым был обязан считаться уцмий в решении важных вопросов говорит о том, что власть уцмий в **XVI**-нач.**XVII** в. не была деспотической властью, как это характерно для мусульманских феодальных объединений.

Следующую группу привилегированного сословия Кайтага составляли беки. «Постановления» упоминают бека, но не содержат норм, характеризующих их общественное или правовое положение. То же самое относится к чанка-бекам. Беками становились дети уцмий, не ставшие уцмийми. Некоторые бекские фамилии происходили из богатых землевладельцев, захвативших общинные или освоивших свободные земли и пастбища. Как можно установить по поздним документам, в Кайтаге большим влиянием пользовались семьи карачибекых и гамринских беков, издавна присвоивших пахотные земли и пастбища. Бекское звание могло быть пожаловано и свободному узденю. Беки находились в вассальных отношениях к уцмию, однако, в **XVI**-нач.**XVII** в. они не обладали полным иммунитетом в своих владениях, как это было на Кумыкской плоскости. Являясь феодальными землевладельцами, беки эксплуатировали крестьян своих владений и устанавливали различные повинности.

Из адатов Кайтага, записанных в **XIX** в., но несомненно установившихся и действовавших значительно ранее, известно, что уздени не имели права кровной мести по отношению к бекам; в случае убийства беком кого-либо из узденией, убийца должен был скрыться из аула на два-три месяца. За это время родственники бека достигали примирения, выплатив родственникам, определенную сумму денег или отдав им часть имущества.

В случае не убийства бека узденем, родственники убитого месте с нукерами нападали на дом убийцы, убивали членов его семьи, отбирали имущество и сжигали дома[102].

В сборнике Рустем-хана имели место отдельные нормы, устанавливающие определенные привилегии общинной знати и духовенству, в частности в применении илкия, о чем коснемся далее.

Предварительно, не посоветовавшись с "благоразумными" или "мудрыми" (речь идет о феодализирующейся общинной знати) уцмии, как уже упоминалось, не имел права предпринимать поход. Диван или суд, которым главенствовал уцмий, состоял так же из общинной знати. «Уцмий, – говорится в сборнике, – должен ежегодно собирать умных людей и по этим постановлениям разбирать тяжущихся и не оставлять без наказания ни вора, ни грабителя».

Одна из норм сборника гласит: "Доброго человека не обвинять, если дурной не пожелает принять за него очистительной присяги. Дурного не обвинять, если добрый откажется принять за него очистительную присягу».

Несомненно, что подобный правовой принцип, устанавливающий презумпцию невиновности "доброго" человека, выражая повышенную охрану интересов феодализирующейся знати. И наоборот, возможность определения "дурного" человека без достаточных доказательств виновности служила средством, направленным на усиление репрессий в отношении рядовых общинников.

Принадлежность к «дурным» или "добрым" людям определялась сельской властью, и разумеется, мало вероятно, чтобы в категорию "дурных" могло попасть лицо состоятельное, имеющее влияние на общество.

Сборник Руетем-хана зафиксировал и правовые обычаи, свидетельствующие о борьбе сельских общин за сохранение своей самостоятельности и общинных порядков. Завещавшего свое имущество беку или чанка-беку, вместе с семейством прогоняли из селения, а дом советующего сделать такое завещание разрушали. В случае приезда бека или чанка в селение, без их вызова не разрешалось идти к ним. Виновный подвергался штрафу в сто кари холста.

В "Постановлениях" нет достаточного материала для характеристики общественно-правового положения различных категорий крестьянства. В вариантах сборника упоминаются уздени, райяты, рабы. В одной из статей разрешено безнаказанно убить раба, "...если раб прикоснется к жене узденя с прелюбодейной целью". За такое же деяние бек уплачивал штраф в пользу общества. Убийство раба не вызывало кровную месть, как обычно. "Постановления" предусматривали "За убийство кем-либо бекского раба взыскивать с каждого дома всего общества по одной паре обуви и по мешку самана".

Касаясь положения крестьян в Кайтаге в XVI-XVII вв., не следует упускать из виду, что эксплуатация крестьян феодальной и общинной знатью прикрывалась общинными традициями и ссылками на адат, являвшегося в условиях социального расслоения правом сильного.

Само собой разумеется, что подобные адаты, оправдывавшие неравноправное социальное положение, вызванное различным отношением к собственности, не включена в сборник, принятый феодальной и общинной знатью. Такое явление, маскировавшее право феодальной собственности на пахотные земли и пастбища, присуще обычному праву народов Дагестана.

Вместе с тем об усилении эксплуатации крестьян, как следствия классовой дифференциации можно судить по отдельным нормам «Постановлений», которые под страхом наказания принуждали крестьян подчиняться решениям джамаата, где верховодили собственники земель искота. Приводимая нами выше одна из статей сборника за несогласие с джамаатом устанавливала взыскание довольно крупного штрафа с виновного. Неподчинение сельской администрации наказывалось так же взысканием штрафа. Отказ от руководства «Постановлениями» Рустем-хана, как нами уже отмечалось, влекло изгнание из кайтагского общества. Предусматривалось и наказание лиц, отказывающихся подчиниться решению сельского суда.

Помимо этого, над крестьянином давлели адаты, регламентирующие организацию общинного хозяйства и быта. Весьма многочисленные адаты этой категории так же предусматривали штрафы за нарушение общинных порядков.

Таким образом, экономическая зависимость разорявшихся крестьян дополнялась и насильственным принуждением к соблюдению правил общественной линии, которые устанавливались феодализирующейся общинной знатью. "Если бек или чанка, – читаем в своде, – приедет в какое-нибудь селение, то никто без позыва не должен приходить к нему. Коли же кто пойдет к беку, будучи не позванным, с того брать сто кари хабцалдику".

Перейдем к рассмотрению адатов, касающихся основных моментов уголовного права Кайтага. В сборнике Рустем-хана, как и во всяком правовом памятнике раннефеодального общества, эти адаты преобладают. Среди них важное значение для освещения социально-экономической истории кайтагцев имеют имущественно-правовые адаты. По их изменениям можно судить о различных этапах развития частной собственности как базы феодальной эксплуатации.

Имущественные преступления в «Постановлениях» Рустем-хана не имеют особой классификации. Почти все преступления против собственности называются "воровством". Различаются виды простого и квалифицированного воровства, а также покушение на воровство. Квалифицированным воровством считалось похищение имущества из мечети. Резко увеличивалась ответственность за воровство: ее последствием было десятикратное возмещение убытков, в отличие от простого возмещения, имевшего место в дофеодальный период.

При патриархально-родовом строе преследование воровства и возмещение ущерба являлось делом лишь родственного коллектива, на имущество которого совершалось посягательство. Ему было безразлично, как совершено посягательство: с применением насилия, тайно, с заранее обдуманной намерием и т.п. В имущественном преступлении видели лишь вред, нанесенный всему кровнородственному коллективу.

Эти воззрения в сборнике Рустем-хана претерпели существенные изменения. В одном из его предписаний установлено: «Тому, кто поймает вора, тысяча кари хабцалдику, и сто

кари беку пойманного вора». Из этого можно сделать вывод, что воровство уже рассматривается как общественно-опасное деяние и преследуется не только потерпевшим ущерб, а и органами власти. Был установлен штраф с того, кто поймет, но отпустит вора.

Принятие норм способствующих предотвращению посягательств на частную собственность, явилось результатом имущественной дифференциации, происходившей в обществе. Господствующий класс был заинтересован в усилении репрессии с целью укрепления своей экономической и политической власти.

Правящий класс использовал в своих интересах и институты патриархально-родового быта, которые во времена записи "Постановлений" изменили свое содержание.

Ишкиль [103] VII веке. Однако его эволюция совершенно очевидна. Прежде всего, ишкиль не должен был применяться в отношении некоторых привилегированных лиц: "у кадия, чоуша, нарочного, старика и ученика барамты не брать», – говорится в "Постановлениях"., служивший обычным способом восстановления имущественного ущерба при патриархально-родовом строе, применялся в Кайтаге и в X

Отсутствие в этом перечислении бека и чанки, по нашему мнению, объясняется тем, что они фактически уже пользовались этой привилегией задолго до введения норм, определяемых "Постановлениями". Далее, как указано в "Постановлениях", ишкиль запрещалось брать в безлюдном месте, ишкиль можно было брать только при свидетелях. Никто не имел права сопротивляться, когда у него брали имущество в качестве ишкиля. В "Постановлениях" особо подчеркивается запрет препятствовать взятию ишкиля внутри селения. Вероятно, это сделано с целью избежать возможного кровопролития в случае сопротивления ответчика.

Ишкиль, как это видно из сборника, превратился в легализованный правовой институт, используемый в интересах господствующего класса. Он служил орудием закабаления беднейшего крестьянства.

В "Постановлениях", наряду с ишкилем, много внимания уделяется регламентации кровной мести. В зависимости от тяжести совершенного преступления "Постановления" в каждом отдельном случае предусматривают число канлы – обычно два или семь человек. В отличие от древнего обычая, признающего неограниченность кровомщения, "Постановления" во избежание кровопролития предписывают канлы покинуть в определенный срок селение, в котором находится его кровник-мститель.

Этой же заботой о сохранении мира среди жителей можно объяснить и восприятие препровождать канлы к кадию или обществу на разбирательство какого-либо дела. Больше того, в "Постановлениях" указывается: "Канлы не должен сам ходить на разбирательство, а посылать от себя доверенное лицо". Поэтому всякое содействие мстителю, хотя бы тем, что будет указано местонахождение канлы, рассматривается как наказуемое действие. При этом доносы на канлы считались настолько опасными, что "Постановления" требовали: "По чьим доносам будет убит канлы, того вместе с семейством считать кровными врагами", "Если родственники убитого канлы убьют подобного доносчика, то кровь последнего считается безвозмездной". Стремление уменьшить число убийств на почве кровной мести в "Постановлениях" проявляется также

и в том, что они предписывает принимать канлы в общество, в том числе даже из другого общества. Если же канлы покидал селение, жителям запрещалось его сопровождать.

Таким образом, институт кровной мести претерпел в XVII в. значительные изменения. Обэтом, во-первых, свидетельствует факт правовой регламентации обычая кровной мести, во-вторых, – стремление заменить кровную месть денежным выкупом. Одна из статей "Постановлений" указывает: "Если кто-либо умрет от ран, нанесенных несколькими лицами, то двоих из них считать кровными врагами и, по умерщвлению одного, с другого брать шестьдесят рублей". Эта же статья в другом варианте "Постановлений" допускает выкуп и для обоих кровников. "Если кто убьет в драке и виновного не окажется, то родственники убитого выбирают двух в канлы, кого пожелают из числа тех лиц, которые участвовали в драке: один из них будет "баш-канлы"[104], который платит вдвойне шариат ахча родственникам, но после этого они (т.е. родственники) все-таки имеют право его убить; другой «мал-канлы»[105], который, если пожелает примириться, пусть заплатит родственникам убитого 60 рублей и его не должны преследовать".

По истечении срока изгнания, канлы, за известней выкуп и угощение родственников убитого, мог примириться с ними.

Несмотря на очевидную тенденцию к ограничению кровной мести, как о том свидетельствуют "Постановления", обычай кровной мести был очень распространен. Широкое применение кровной мести в Кайтаге в период принятия "Постановлений" Рустем-хана можно объяснить слабостью и неразвитостью органов государственной власти, хотя в своде Рустем-хана попытки ограничить ее выражены в достаточной степени.

В рассматриваемый период кровная месть в Кайтаге была признана и предписана обществом, но применение ее ограничивалось определенными условиями. "Постановления" отражают начало отмирания мести и замены ее уголовным наказанием.

Частичная замена кровной мести имущественными выкупами является существенным этапом в изменении правовых взглядов общества, произошедших в результате развития общественно-экономической жизни кайтагцев в период правления Рустем-хана.

Следует отметить, что кайтагское право XVII века уже знало понятие о необходимой обороне. В состоянии необходимой обороны защищающийся мог убить всякого, посягающего на имущество, жилище, честь и т.д. Такое убийство не влекло за собой наказания со стороны публичной власти, ни кровной мести со стороны родственников убитого.

Основными наказаниями в кайтагском обычном праве XVII века являлись крупные штрафы, разрушение дома в случаях особо тяжких преступлений и изгнание виновного из общества. Других наказаний "Постановления" Рустем-хана не упоминают.

Несмотря на очевидную тенденцию к индивидуализации наказания, размер штрафа, возлагаемого на виновного, служит подтверждением значительной родственной солидарности. По мере разложения большой семьи и выделения индивидуальных семей, кровно-родственная солидарность носила уже менее обязательный характер. Однако, как правило, родственники считали своим долгом помогать друг другу. Взимание крупных

штрафов и выкуп вели к разорению и закабалению значительной части общества. Следовательно, подобная система наказаний была выгодна имущему классу.

Степень развития угодовно-правовых понятий в своде Рустем-хана показывает, что кайтагское обычное право сделало значительный шаг вперед по сравнению с правом патриархально-родового строя. М.М. Ковалевский в работе «Современный обычай и древний закон» отмечал, что в эпоху господства родового быта не различали умысел и неосторожность, случайное и преднамеренное убийство, а подстрекательство к покушению оставались без возмездия. В "Постановлениях" Рустем-хана отчетливо разграничены все эти понятия, а также содержится ряд положений о приготовлении к преступлению, отягчающих и смягчающих вину обстоятельств, о степени виновности.

В упомянутой выше работе М.М. Ковалевский писал: «Процессуальные порядки народа, живущего родовым устройством, не различаются между собою по характеру тяжбы. Отдельный устав гражданского и отдельный уголовного судопроизводства в это время были немыслимы»[106]. Свод Рустем-хана, как уже было отмечено, мало касается гражданско-правовых отношений, так как вопросы гражданского права регулировались в Кайтаге на основе шариата. Одна из норм "Постановлений", например, упоминает о разбирательстве тяжб кадием, в сферу деятельности которого входило рассмотрение дел согласно мусульманскому закону.

В результате историко-правового анализа «Постановлений» Рустем-хана мы приходим к следующим выводам:

1. Источником "Постановлений" Рустем-хана является обычное право кайтагов, уже получившее свое развитие в условиях становления феодального общества.
2. Памятник свидетельствует о дальнейшем развитии и укреплении частной собственности. В период принятия "Постановлений", т.е. в XVII веке, в Кайтаге, наряду с сохранением общинной собственности, была частная собственность на пахотные земли, скот, дома. О росте и укреплении института собственности можно судить по нормам "Постановлений", направленных на усиленную охрану частной собственности.

Процесс укрепления частной собственности проходил параллельно с разложением семейной общины на индивидуальные семьи с отдельными хозяйствами. Появление индивидуальной семьи вело, как видно из "Постановлений", к индивидуализации наказания и ослаблению кровнородственной солидарности.

Нормы "Постановлений" отражают усиление неравноправного социального и имущественного положения членов общества в Кайтаге. В отдельных кармах открыто провозглашаются привилегии феодальной знати. Этот период характерен интенсивным процессом упрочения политической власти уцмий и беков, что обусловило развитие принципов феодального права – права привилегии.

3. В период принятия "Постановлений" заметно стремление к укреплению политической власти уцмий как феодального владельца. Это вело к изживанию правового партикуляризма, что подтверждается установлением единообразных обычно-правовых норм на территории уцмийства.

4. Отсутствие в своде Рустем-хана гражданско-правовых норм (купли-продажи, наследования, завещания, дарения и др.) не говорит о том, что они не были известны в Кайтаге, все эти гражданско-правовые отношения регулировались шариатом.
5. В "Постановлениях" Руетем-хана получают свое отражение такие уголовно-правовые понятия, как умысел, пособничество, стадии развития преступлений, отягчающие и смягчающие виду обстоятельства. Перечисленные выше понятия являются категориями, возникающими в условиях классового общества.
6. Сводом Рустем-хана не предусмотрены телесные и членовредительские наказания, лишение свободы и т.д. Господствующими наказаниями были значительных размеров штрафы и выкупы, применение которых в интересах феодальной знати вело к усугублению неравноправного имущественного положения.
7. «Постановления» Рустем-хана подробно регламентируют кровную месть, ишкиль и другие институты патриархально-родовых отношений. Несмотря на относительно широкое распространение обычаев кровной мести, ишкиля, похищения невест и др., эти обычаи в Кайтагском обществе **XVII** века претерпели значительные изменения. Перечисленные выше институты патриархально-родового строя, также использовались господствующим классом в своих интересах, чем отчасти объясняется живучесть этих обычаев.
8. Принятие "Постановлений" знаменует собой заметное ослабление сельской общины и свидетельствует о все большем экономическом и политическом подчинении общин вначале **XVII** века власти кайтагского уцмийа и феодализирующейся верхушки.

КОДЕКС ЗАКОНОВ УММУ-ХАНА АВАРСКОГО

Правовые обычаи аварцев, действовавшие в **XVI-XVII** вв. обнаружены и опубликованы в **1948** году доктором исторических наук Х.О. Хашаевым под названием «Кодекс законов Умму-хана Аварского (справедливого)».

В рукописи на арабском языке имеется пометка, что составитель ее Умму-хан умер в **1634** году. В литературе упоминалось о существовании сборника Умму-хана. М.М. Ковалевский писал: "Гораздо раньше его (сборники Рустем-хана – А.О.) возник не дошедший до нас сборник адатов аварского народа, рукописи которого, по словам генерала Комарова, ходили еще по рукам во времена Шамиля. Предание приписывает его составление Омар-хану Аварскому, умершему в **1082 г.**"[107].

Х.О.Хашаев вполне обоснованно предполагает, что дата смерти Умму-хана, названная учеными-арабистами по Гиджри, М.М.Ковалевским была ошибочно воспринята как дата по христианскому летоисчислению.

Во многих других исторических документах и литературе с бесспорностью устанавливается, что составление сборника приписывается аварскому феодальному правителю – начала XVII в. Умму-хану.

Профессор Р.М.Магомедов об аварском ханстве этого периода пишет: "В начале XVII века при Умма-нуцале (в литературе известен как Умма-хан справедливый) Аварское ханство достигло уже довольно высокого уровня и самостоятельности. С именем Умма-хана связано создание в Аварии единого кодекса адатов и введение большого числа новых адатов"[108].

В XVI-XVII вв. в противовес феодальной раздробленности, характеризовавшей соседнее Казикумухское шамхальство, в Аварском ханстве шел интенсивный процесс централизации и укрепления политической власти хана. Аварские ханы, в период захватнических нашествий Турции и Персии на Дагестан, сумели не только сохранить независимость своих владений, но и распространить свое влияние на другие общества. Ослабление шамхальства дало аварским ханам возможность расширить свои владения не только в Аварии, но и за ее пределами. Воспользовавшись убийством гумбетовского и аргунского беков, аварские владетели захватили нижнюю часть Мичигича, Чегек-шали, Герменчук-шали, Атагу и другие населенные пункты[109]. Вместе с джаро-белоканцами аварские ханы предпринимали военные походы, приносившие им большие богатства.

Усиление аварского ханства привело к тому, что грузинские цари стали искать пути сближения с его правителями. Необходимость такого сближения была вызвана экономическими и политическими соображениями. В связи с налаживанием торговых отношений с Россией перед грузинскими царями встал вопрос о наиболее безопасном и близком торговом пути из Грузии в Россию. Самым удобным грузинские цари считали путь, пролегающий по территории Аварии[110].

Наряду с усилением власти и могущества аварских ханов происходят заметные сдвиги и в социальном строе Аварского ханства. С ростом феодальной собственности на землю наблюдается интенсификация феодальной эксплуатации свободного и независимого крестьянства. Аварские ханы продолжают активно посягать на традиционные права и свободы аварских общин.

На этой почве происходит усиление классовых противоречий. Сельские общества стремятся отстоять свои земли от захвата феодалами и сохранить свое внутреннее самоуправление, основанное на общинных адатах. В свою очередь феодальные владетели добиваются правового закрепления феодальных порядков. Это и явилось одной из главных причин возникновения сборника адатов, получившего название кодекса Умму-хана Аварского. Как и в Кайтагском уцмийстве, укрепление и расширение власти феодального правителя в Аварии вызвало потребность в установлении на всей территории ханства единых правовых обычаев.

Кодекс Умму-хана Аварского включает не только правовые предписания феодального владетеля и нормы обычного права, действовавшие в период правления Умму-хана, но и ряд правовых обычаев значительно более древнего происхождения. К ним относятся статьи об ответственности на нанесение телесных повреждений.

Преобладающее количество норм кодекса регулирует уголовно-правовые вопросы, так как именно в этой сфере зарождающиеся органы стремятся ограничить самосуд личности и родственных объединений.

Рукопись содержит более **30** статей, предусматривающих штрафы за нанесение ранений и увечий. Размеры композиции очень высоки (до **200** овец). Так, например, за отрубание пальца с виновного взыскивалось **15** овец, за выбитие зуба – **10** овец. Штраф определялся в зависимости от тяжести ранения, причем, как указано в тексте, рана измерялась пальцами средней толщины, и за каждый палец ширины раны с виновного взыскивалось по одной овце.

Сходный обычай композиции за причинение ран существовал и у других народов Кавказа. В частности, по грузинскому праву (кодекс Вахтанга **VI**, ст.**48**) рана измерялась мизинцем или ячменными зернами.

«Высокие штрафы, – пишет Х.О.Хашаев в предисловии кодекса, – объясняются тем, что они выплачивались не отдельным лицом, а коллективом, родовой или сельской общиной. Узы родства в период Умму-хана были чрезвычайно сильны, круговая порука не только тухума, но и сельской общины были непреложным законом. Родственники должны были отвечать за своих сородичей»[111].

Однако следует отметить, что высокие штрафы установлены не по всем общественно-опасным действиям, а лишь за причинение телесных повреждений. К тому же штраф уплачивался только потерпевшему, тогда как другие нормы предусматривают уплату штрафа в пользу сельской администрации или должностях лиц ханского управления.

Все это позволяет считать, что статьи, касающиеся ответственности за телесные повреждения, возникли значительно ранее составления кодекса Умму-хана и являются древними коренными обычаями аварцев. В кодекс они могли быть включены при переписке рукописи, когда в нее нередко вносили изменения, различные вставки.

Вероятно, нормы об ответственности за телесные повреждения действовали в период правления Умму-хана в преобразованном виде; размер взысканий не мог быть столь высоким, так как по мере индивидуализации наказания штраф вносился меньшим кругом лиц – близкими родственниками, подчиненными главе патриархальной семьи. К этому времени, как об этом свидетельствуют источники, экономическое единство тухума было подорвано. Тухум потерял характер родовой ячейки, присущей общинному строю. Узы родства и круговая порука сохраняли еще довольно крепкую силу, но все же они являлись пережиточными нормами былого идеологического единства тухума.

Процесс индивидуализации ответственности, тесно связанный с ослаблением кровно-родственных связей, нашел свое отражение и в правилах кровной мести. В кодексе Умму-хана отчетливо видно стремление ограничить ее применение. В отличие от правил, принятых в это же время в Кайтагском уцмийстве в сборнике аварских адатов, за убийство родственниками убийцы уплачивалось имущественное или денежное вознаграждение, называемое, как и в мусульманском праве, диятом.

За избежание возможного кровопролития убийца обязан был покинуть аул на **10** дней. После истечения этого срока возможно было очное примирение, если родственники

враждовавших сторон достигали соглашения о замене кровной мести выкупом. В этом случае виновный возвращался в аул, где совершался специальный обряд примирения. Убийство кровника после того как ему разрешили жить в ауле строго наказывалось.

В кайтагском уцмийстве вместе с убийцей аул покидали до 6 его ближайших родственников. Кодекс Умму-хана не предусматривал подобной меры, очевидно, под влиянием мусульманского права.

Кровная месть у аварцев, также в отличие от правил действовавших в Кайтаге, применялась лишь к самому убийце. Мести не подвергались подстрекатели и пособники. Родственники убитого не могли по своему усмотрению признавать убийцей кого-либо из участвовавших в драке.

Особые правила существовали у аварцев относительно кровной мести к рабам. Убивший раба не подлежал кровной мести со стороны хозяина или его родственников, убийца лишь уплачивал дият хозяину раба. А если раб убивает узденя, то с владельца раба взыскивался дият и раб изгонялся на три года в канлы.

Как видно из приведенной статьи, рабы находились в исключительно тяжелых условиях, убийство раба в сущности приравнивалось к применению имущественного вреда владельцу. Раб не обладал никакими гражданскими правами. Если даже раб был отпущен, его не допускали ни в число свидетелей, ни в число присягателей.

Малочисленность юридических обычаев, касающихся правового положения рабов в обществе указывает на то, что рабство занимало незначительное место в общей системе феодальной эксплуатации и носило патриархальный характер.

Сравнивая адаты по кровным делам, сложившиеся в XVI-XVII вв. в Аварском ханстве и Кайтагском уцмийстве, нельзя не обратить внимания на их существенные различия. В кодексе Умму-хана установлены значительно строгие меры к пресечению кровной мести. В одной из статей сборника Умму-хана говорится: "Если после того, как кровника выслали из аула родственники убитого убьют брата кровника или другого его сородича, то с убийцы взыскивается 100 голов овец, кроме того, он обязан вернуть дият, который получил от своего кровника и вся его семья осуждается на вечное изгнание, без права возвращения в аул".

В этом случае, как и в целом в ограничении кровной мести проявляется влияние шариата, предусматривающего строгие меры по кровным делам.

"Убийце (а никому другому) мстит смертью наследующий убитому" – гласит норма религиозно-юридического свода Навави, широко распространенного в Дагестане.

Несмотря на заметное влияние шариата на выработку юридических обычаев аварцев по кровным делам, следует подчеркнуть, что ограничение кровной мести и возникновение определенных правил ее применения есть прежде всего результат правового развития народа, обусловленного социально-экономическими факторами.

Ослабление кровнородственных связей, имущественная и классовая дифференциация, укрепление власти феодального правителя Аварии, развитие начал государственности,

все это послужило причинами процесса вытеснения кровной мести и замены ее композициями. Конечным результатом этого процесса было бы запрещение кровной мести под страхом общественного наказания.

Кодекс Умму-хана предусматривает также меры, ограничивающие обычай самоуправного захвата имущества должника – обычая, имевшего широкое применение в патриархальном строе. Ишкиль в тот период, при слабости органов власти, был одним из главных способов удовлетворения взаимных имущественных претензий.

Как видно из кодекса, этот институт патриархального строя в Аварском ханстве в XVII в. претерпел существенные изменения как по содержанию, так и по форме применения.

Прежде всего, ишкиль приобрел характер института публичной власти, так как никто не имел права прибегать к захвату имущества без разрешения администрации. Одна из норм сборника предусматривает наказание за самоуправство.

Если кто самоуправно, насильственно войдет в дом другого и возьмет что-нибудь, то виновного взыскивается то, что забрал и кроме того, штраф для воеводства хана – одна овца, а если же он ничего не забрал, а только вошел в дом, то взыскивается только штраф – одна овца.

Если в этом принимали участие многие, то с каждого участника также взыскивается по одной овце штрафа, ежедневно до окончания спора".

В случае, если истец считал нужным прибегнуть к ишкилю он должен был обратиться к администрации и только в присутствии ее представителя он мог взять имущество из дома должника. Причем это имущество рассматривалось лишь как залог до разрешения тяжбы.

Если первоначально имущественный захват имел целью принудить ответчика к исполнению обязательства, то в сборнике Умму-хана ишкиль является лишь средством, чтобы вынудить ответчика к судебному разбирательству.

Интересно отметить, что на смену отживающего института ишкиля у аварцев в рассматриваемый период выработался принцип взыскания с должника пени за просрочку обязательства. «Если должник не возвращает долг в установленной срок до применения к нему ишкиля, – указывается в сборнике, – то на него возлагается пени, так, например, если один ратал [112] чего-либо в течение года просрочил, то должен вернуть полтора ратала, если кьал [113], то полтора кьали, если 20 копеек (абас), то вернуть абас и 1 драхм [114] (30 копеек)».

Бесспорно, что подобная норма неизвестна патриархально-родовому строю, она могла возникнуть лишь в условиях усиленно развивающихся товарно-денежных отношений. Также бесспорно и то, что такой порядок отвечал интересам зажиточной привилегированной знати, получившей дополнительное орудие для закабаления беднейшей части населения.

Применение ишкиля к должнику из другого края (так в тексте) требовало также соблюдения ряда условий. Истец должен был обратиться к своей администрации и, если она направила его в другой край за долгом, то там также обратиться к местной

администрации с просьбой о взыскании долга. Лишь после отказа в удовлетворении своих претензий он мог прибегнуть к ишкилю.

Если же кто-либо самоуправно захватил имущество у лица из другого края, местная администрация принимала меры к возвращению имущества и подвергала виновного штрафу в один ратал меди.

Заслуживает внимания одна из статей кодекса Умму-хана, ограничивающая применение ишкиля к родственникам должника. "Если кто продает что-либо человеку, у которого нет никакого имущества, то запрещается взыскивать долг с его родственников.

Существование этой нормы – наглядное доказательство резкого ослабления кровнородственной солидарности и различного имущественного и социального положения членов одного тухума.

Ваварском тухуме XVII-XVIII веке уже не было обязательной солидной ответственности за действия и долги одного из своих членов. Оказание помощи и проявление родственной солидарности имело место лишь на добровольных началах, если тухум, исходя из моральных соображений, считал нужным поддержать представителя своего тухума.

К сожалению, кодекс не дает нам указаний о том, как возмещался долг, если должник не был в состоянии уплатить его. Из документов последующего периода известно, что в подобных случаях долг погашался разнообразными работами в хозяйстве кредитора.

С полным основанием можно предположить, что возникновение института долговой кабалы относится к более раннему времени, примерно к XVII веку.

Регулирование ишкиля в кодексе Умму-хана служит подтверждением значительной эволюции этого института патриархально-родового строя. В условиях классового общества ишкиль обслуживал интересы богатой и влиятельной прослойки общества, так как применение ишкиля зависело от аульской администрации, куда входили представители привилегированной части общества.

Таким образом, содержание института патриархально-родового строя соответствовало новым общественным отношениям, основанным на различном социально-экономическом положении членов общества. В то же время оно применялось, опиравшееся на древние традиции, как бы символизировало «справедливые» обычаи предков и вследствие этого затушевывалась эксплуататорская сущность ишкиля в новых изменившихся условиях.

В рассматриваемом правовом памятнике Аварского ханства XVII века немалое место уделено организации административного управления исуда, что является результатом развития органов власти феодального политического владения.

В переводе сборника Умму-хана много раз употребляется термин "воеводство", в частности в тех случаях, когда речь идет о взыскании штрафа в пользу администрации.

Очевидно, под термином «воеводство» следует понимать объединение территориально близко расположенных джамаатов, которое находилось под управлением ханского представителя.

Известно, что в сельских общинах Дагестана, входивших в состав феодального объединения, не было особых должностных лиц центральной власти, так как общинная администрация выполняла те несложные функции, которые на нее возлагались феодальным правителем. Иначе говоря, не было особого административного аппарата, действовавшего параллельно с общинной властью.

По содержанию статей, в которых упоминается администрация воеводства, следует полагать, что в сложившихся союзах и группах сельских общин, находилась администрация хана (один-два представителя), осуществляющие известный контроль за деятельностью администрации отдельных джамаатов.

Другого объяснения термину "воеводство" мы не можем найти, так как в кодексе в одних и тех же статьях, наряду с администрацией воеводства, упоминается и об администрации общины.

Местная ханская администрация то, что в кодексе переведено как администрация воеводства, ограничивая самоуправление джамаатов, постепенно увеличивала свои функции. Этот процесс, интенсивно развивавшийся в период составления сборника правовых обычаев аварцев, обусловливался усилением верховной власти Умму-хана, стремившегося создать определенный административно-политический аппарат для управления подвластной ему территорией.

В Аварском ханстве **XVII** веке еще более ярко, чем в Кайтагском улусе проявляется тенденция феодального правителя к централизации управления и унификации правовых обычаев.

Это, в частности, можно видеть и в меньшей административной самостоятельности аварских сельских общин. Должность сельского судьи, повсеместно в Дагестане являвшейся выборной, в Аварском ханстве занималась с разрешения ханской администрации. То же самое касается и должности глашатая. Самоуправление сельских общин, сохранившееся продолжительное время, несмотря на их зависимость от хана и беков, постепенно заменяется ханским управлением.

Ханская администрация на местах, как это видно из кодекса обладали весьма широким кругом прав и полномочий. В ст. **70** предписывается: "Если кто-либо медлит или отклоняется пойти для выполнения поручения администрации воеводства или вместо себя пошлет другое лицо, то с него взыскивается штраф **1 1/4** ратала меди. Если кто по тревоге воеводства не выйдет без уважительных причин, то взыскать по одной овце с каждого невышедшего...".

Местная администрация разбирала все жалобы жителей, обратиться с жалобой к хану можно было после разрешения "местного начальства" (так в тексте – А.О.). С нарушившего это постановление взыскивался крупный штраф (**30** овец). Следовательно, это деяние рассматривалось в то время как серьезное правонарушение.

Споры между аулами также разбирались ханской администрацией. При разногласии сторон о разрешении спора по шариату или адату следовали мнению большинства администрации хана. Если аул не прислал своего представителя для участия в рассмотрении спора, аул облагался штрафом в **10** голов овец.

В случае, если спорившие не были довольны решением аульского кадия, они могли обжаловать решение муфтию ханской администрации.

Особенностью феодального административного управления в Дагестане, обусловленной малочисленностью и неразвитостью органов государственной власти, являлось возложение на отдельные аулы определенных обязанностей по поддержанию правопорядка, охране пастбищ и посевов, выполнению распоряжений центральной власти.

Такое положение характерно и для Аварского ханства XVII в. Приведем некоторые примеры: "Если администрация воеводства захочет собрать ученых своего воеводства, то жители аула, до которых дошла очередь, обязана собрать этих ученых, начиная с Гимри до Итля. Если они не соберут или по зову их кто не явится, то в обоих случаях взыскивается по 10 голов овец с тех, кто не явился или с того, кто поленился вызвать" (ст.89 кодекса).

Внескольких случаях предусмотрена коллективная ответственность жителей аула. "Если какой-либо аул нарушает установленный порядок в течение месяца, то с этого аула взыскивается ежедневно по одной овце до укрепления в этом ауле порядке".

По одной овце ежедневно взыскивалось с аула, если аул в течение мевяца находился без муллы.

Любопытна норма, запрещающая без уважительных причин покидать свой аул. В ней говорится: "Если жители одного аула пойдут в другой аул по случаю смерти кого-либо для соболезнования, то с каждого, кто ходил, взыскивается по одной овце, при этом безразлично мужчина это или женщина, при условии, если умерший не является родственником не ниже троюродного брата, или не было с ним брачной связи, или он не является кунаком".

Вероятно, имелось в виду, чтобы жители аула не могли сослаться на свое отсутствие в период отражения нападения, выполнения общественных работ и т.д. Подобное запрещение характеризует и территориальную замкнутость общин.

В ряде случаев соседние аулы должны были выступить на защиту аула, подвергшемуся нападению. "Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, при этом нарушив обычаи края и закона кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не сделают, то с каждого аула взыскивается по 10 голов овец" (ст.91).

Перейдем теперь к характеристике юридических обычаев, касающихся основных моментов права и процесса.

Если не считать адатов и телесных повреждений, уголовно-правовых и процессуальных норм в кодексе крайне незначительно. Однако это не означает, что этих норм не было фактически. В сборнике Умму-хана они могли не войти по различным причинам. В адатах Гидатлинского вольного общества этого периода, которые мы рассматриваем ниже, можно обнаружить ряд норм материального и процессуального права, не

зафиксированных в кодексе Аварского ханства. На этом основании нельзя, разумеется, говорить, о более высоком уровне правового развития в "вольном" Гидатлинском обществе, так как сборник Умму-хана, хотя получил название кодекса, в точном смысле это запись (может быть и отрывочная) некоторых правовых адатов, действовавших или известных в период правления Умму-хана.

То же самое относится и к другим ранним правовым памятникам, поскольку их нельзя рассматривать как исчерпывающие изменение всех действовавших юридических обычаев. Иначе говоря, в нашем распоряжении нет систематизированного правового сборника официального происхождения, что в серьезной степени затрудняет правовой анализ юридической системы горцев.

Имущественные преступления в кодексе Умму-хана, как и в других памятниках периода становления и развития феодальных отношений, не разделяются на различные виды. Кодексу известно только понятие воровства. Воровство наказывалось троекратным возмещением ущерба владельцу и наложением штрафа в пользу администрации хана или общины. В тех случаях, когда вор признавался в краже, с него взыскивалась только стоимость похищенного и штраф. Следовательно, добровольное признание считалось смягчающим вину обстоятельством, что никоим образом не принималось во внимание в период патриархально-бщинного строя.

В случае воровства потерпевший должен обратиться к местной власти. Причем жалоба, хотя бы исправительная, но заявленная спустя год после совершения кражи, не рассматривалась. Здесь мы находим развитие процессуальных понятий давности, что также характеризует уровень правового развития.

Обычным средством доказывания факта воровства оставалась присяга. "Кто украдет овцу другого, – говорится в кодексе, – а вор не признает, то он может быть оправдан, если даст присягу с одним соприсяжателем, названным владельцем овцы. Если свидетель откажется от присяги, вор обязан возместить ущерб в троекратном размере".

Присяга, оставаясь самым распространенным способом доказывания, ко времени составления сборника Умму-хана претерпела изменения и утратила черты, присущие этому институту в эпоху патриархально-родового строя. Количество необходимых соприсяжников определялось в зависимости от величины похищенного. За исключением одного случая, когда требовалась присяга **50** соприсяжников, в кодексе Умму-хана, как правило, по наиболее важным тяжбам устанавливалось принятие присяги **6** соприсяжителями. Предусматривалось принятие присяги и меньшим числом лиц. Так, например: "Если спор коснется другого скота, то число соприсяжителей определяется: за кражу быка – **4** соприсяжителя, за кражу коровы – **3** соприсяжителя, за кражу нетели – **2** соприсяжителя, за кражу теленка – **1** соприсяжитель. Если они не могут дать присягу, то виновный должен возместить стоимость краденого, установленную тремя справедливыми лицами из аула".

В качестве соприсяжников, согласно кодексу, выступали не только родственники, но и односельчане. В отдельных случаях соприсяжителей указывал потерпевший.

Касаясь оценки причиненного ущерба, кодекс предоставляет администрации право обязывать жителей аула принимать присягу, причем указывалось, что количество соприсягателей не могло быть более **10** человек, независимо от величины ущерба.

Оговаривались и условия, предъявляемые к соприсяжникам: "К присяге не привлекаются юноши и девушки, не состоящие в браке, также нельзя привлекать к присяге двух лиц из одного хозяйства, вовсе не допускается к присяге раб, если он даже отпущен".

Все это является результатом изменения характера института присяжничества, допуская в своем первоначальном виде присягу исключительно со стороны родственников.

В кодексе Умму-хана допускается доказывание факта и свидетельскими показаниями. Но для разрешения судебного дела требовалось признание их муфтием достоверными.

Таково, в основных чертах, содержание правового памятника Аварии XVII века.

Материалы кодекса Умму-хана позволяют сделать некоторые выводы об уровне правового развития, обусловленного сдвигами в социально-экономической жизни общества.

1. Кодекс Умму-хана является памятником, возникшим в XVII веке. Отсутствие достоверных научных данных затрудняет решение вопроса об официальном или неофициальном происхождении кодекса. Структура и содержание памятника не выражают в достаточной степени, кодификаторской деятельности законодателя.

Весьма вероятно, что нормы, регулирующие административно-правовые вопросы, установлены Умма-ханом.

Другая же часть норм, действовавших в Аварском ханстве в XVII веке и ранее, оказалась объединенной в одной рукописи с законодательными нормами Умму-хана.

2. В кодексе Умма-хана находит отражение процесс ослабления кровно-родственных связей, что способствовало индивидуализации ответственности. Следствием индивидуализации ответственности являлось отсутствие у родственников обязательной солидарной имущественной ответственности.

Это говорит о широком распространении малой индивидуальной семьи и дальнейшем укреплении частной собственности. Различались не только бедные и богатые тухумы, но и внутри тухума произошли имущественная дифференциация. Вместе с тем в Аварском ханстве XVII века сохранялось идеологическое единство тухумов, так как защита имущественных и личных прав личности, ввиду слабости органов власти, могла быть обеспечена совместными усилиями родственников объединений. Взаимопомощь и объединение родственников были необходимыми для охраны жизни и имущества каждого члена кровно-родственной группы.

3. Укрепление политической власти хана и господствующего класса в Аварском ханстве проявляется в ущемлении общинных прав и соответственном расширении функций администрации хана на местах.

Ущемление общинных прав в Аварском ханстве **XVII** в. проходило параллельно с захватом ханами и беками общинных земель.

Штрафы, в отличие от порядка установленного в "Постановлениях" Рустем-хана, в большинстве случаев поступали в пользу администрации ханства.

4. Развитие уголовно-правовых и процессуальных институтов, как об этом можно судить по кодексу Умму-хана, свидетельствует о сдвигах, происшедших в обычном праве, которое в Аварском ханстве **XVII** в. формируется как право феодального типа.

5. Пережитки патриархально-родового строя, кровная месть, ишкиль, родовая солидарность, присяжничество и т.д. в кодексе Умму-хана фигурируют в преобразованном виде, что дает основания считать их отживающими институтами.

ГИДАТЛИНСКИЕ АДАТЫ

Гидатлинские адаты опубликованы в **1957** году. Рукопись, написанная на арабском языке, находится в рукописном фонде Института истории, языка и литературы.

В кратком предисловии отмечается: «Время составления сборника гидатлинских адатов точно неизвестно, можно только предполагать, что он составлен не позже **XV**-начала **XVI** века. Публикуемый список гидатлинских адатов датирован переписчиком **1070** хиджры, т.е. **1660** г. н.э.»[115].

В сборник, помимо гидатлинских адатов, включено несколько соглашений гидатлинского общества с другими джамаатами, а также легенда о первых поселениях гидатлинского общества, распределении земли и установлении границ. Гидатлинские адаты, как об этом говорится в тексте, были приняты старейшинами гидатлинского общества.

Союзы сельских общин или "вольные" общества, как их называют в литературе, изучены еще совсем недостаточно. Тем более это относится к истории "вольных" обществ **XV-XVI** вв., так как до сих пор не обнаружено каких-либо письменных источников, характеризующих общественный строй этого периода. Поэтому гидатлинские адаты представляют большую ценность, правда, следует сказать, что не все зафиксированные в рукописи нормы безоговорочно можно датировать **XV-XVI** вв. имея в виду возможные позднейшие добавления в рукопись.

Тем не менее этот правовой памятник позволяет выяснить ряд важных вопросов организации общественной жизни и управления в союзах сельских общин в **XV-XVI** вв.

Гидатлинские адаты отражают одновременное существование в этот период двух форм земельной собственности – общинной и частной. К первой из них относились пастбища, сенокосы, луга. Пехотная земля находилась в индивидуальной собственности наряду с общинами, имелись и честные сенокосные участки.

Из сборника гидатлинских адатов можно судить о наличии, кроме пастбищ отдельной общины, и пастбищ, находившихся в коллективной собственности селений, входящих в Гидатлинское общество. На жителей Гидатлинского общества возлагалась охрана коллективного пастбища. С жителей селения, которые не оказывали помощь жителям других селений в охране этого пастбища, взыскивался довольно крупный по тем временам штраф три медных котла. Пастбище через каждые семь лет распределялась между селениями. Общей обязанностью всех жителей являлось оказание помощи жителям других селений в охране лугов до периода сенокосения, что также свидетельствует о совместной собственности джамаатов на луга.

Определенные правила пользования общинными землями и их охраны, сложившиеся в условиях патриархально-родового строя, в классовом обществе приобретают юридический характер, выполнение которых обеспечивается возникающими органами местной власти.

Приведем некоторые из этих юридических обычаев. С того, кто пас коров или быков до истечения **10** дней со дня объявления сенокосения, взыскивался в качестве штрафа один медный котел.

Такой же штраф был установлен с того, кто скосит сено с общинных сенокосов после объявления запрета. Два медных котла взыскивалось с лица, вспахавшего землю на пустыре или присвоившего ее в качестве сенокоса или луга.

О степени охраны общинной собственности и строгого соблюдения постановлений джамаата можно судить по приводимой норме. "Если кто-нибудь спорит и скандалит с общинной охраной, когда она удаляет его скот с посевов, то с него взыскивается штраф в размере **7** коров, кроме того, он обязан прокормить **100** человек также в виде штрафа".

Не менее строго охранялась и частная собственность на землю. Причем надо отметить, что, помимо возмещения ущерба, с виновного взыскивался штраф в пользу всего общества. Наложение штрафа от имени общества за нанесение имущественного ущерба отдельному лицу знаменует отход от господствовавшего в патриархально-родовом строе принципа, согласно которому возмещение ущерба являлось лишь делом самого потерпевшего или его родственников. Защита земельной собственности от имени общества – результат возросшей роли развития института частной собственности.

Перейдем к рассмотрению некоторых вопросов административного быта гидатлинцев.

Все основные вопросы организации общественной жизни решались сельским сходом – джамаатом. Джамаат каждого аула выбирал своего старейшину, которому поручалось поддержание правопорядка вауле. Старейшина представлял свой аул в совете

старейшин, который принимал решения обязательные для всего Гидатлинского общества и устанавливал адаты. Как уже выше отмечалось, анализируемые нами адаты были приняты советом старейшин.

В каждом из шести аулов, входивших в Гидатлинское общество, кроме старейшин были сельские исполнители, судьи, глашатай и общинные охранники. Содержание общинной администрации обеспечивалось взысканием штрафов за нарушение установленных порядков.

Жители аула несли различные обязанности, возложенные решением джамаата. Эти обязанности касались охраны лугов, сенокосов, пастбищ, общественных построек, сооружений и т.д. За уклонение от выполнения обязанностей виновный подвергался штрафу.

В Гидатлинском обществе нередко имущественная ответственность возлагалась на весь аул в целом, так как выполнение общих для всего Гидатлинского союза норм обеспечивалось не союзными административными органами, а властью аула.

Коллективная ответственность, являвшаяся следствием территориальной замкнутости и самоуправления джамаатов, с другой стороны создавала дополнительные гарантии более строгого соблюдения правопорядка, в силу того, что все жители были заинтересованы в пресечении недозволенных действий, могущих принести ущерб аулу в целом.

Отметим некоторые особенности организации суда в Ги-датлинском обществе. Во избежание самоуправства и конфликтов жители обязывались разрешать свои споры в судебном разбирательстве. С отказавшегося от судебного разбирательства брали штраф. Запрещалось выбирать для разбирательства влиятельного человека из другого селения. Тот, кто обратился и согласившийся разобрать судебное дело, обязаны были в виде штрафа отдать по одному быку. Цель подобного запрещения, очевидно, продиктована стремлением поднять значение и авторитет общинных органов власти.

Гидатлинские адаты дают возможность проследить развитие правовых институтов и изменения в сохранившихся институтах патриархально-родового строя.

Как и в правовых памятниках Кайтага и Аварского ханства, среди адатов гицатлинцев значительное число относится к регулированию правил кровной мести.

Прежде всего следует отметить чрезвычайно высокий выкуп за убийство. В течение трех дней с момента совершения убийства с убийцы в пользу наследников убитого взыскивалось 30 коров или их стоимость любым имуществом.

В качестве дията не разрешалось брать только землю. Кроме того, убийца в качестве штрафа своему сельскому обществу отдавал отборного быка, а также еще один выкуп в пользу всего Гидатлинского общества.

Исключительно крупный размер выкупа указывает на то, что он выплачивался, очевидно, всеми наследниками убийцы, так как уплата такогозначительного штрафа вряд ли была непосильна одной семье.

В сборнике определен круг близких и дальних наследников: "Штраф и возмещение взыскиваются, пока у виновного имеется имущество, если не хватит его имущества, то взыскивается имущество его семьи, родителей, детей, братьев и незамужних сестер, хотя бы они (сестры) и не жили в его доме. С дальних наследников взыскивается только после того, как имущество первых иссякает".

Весьма характерно постановление, что в случае убийства кровника двоюродным братом убитого или его наследником, хотя бы самым отдаленным, никто не нес ответственности.

Заубийство раба свободный должен был уплатить хозяину стоимость раба. Если же раб убьет свободного человека, то хозяин раба обязан был уплатить дият.

Таким образом, порядок ответственности за убийство раба или наоборот убийство рабом свободного человека в Дагестане был повсеместно одинаков.

Гидатлинские адаты, так же как и правовые памятники Кайтага и Аварского ханства, обязывали примать кровников в число своих жителей. Подстрекательство и содействие в убийстве кровника осуждалось обществом и строго наказывалось, вплоть до применения в отношении виновного кровной мести.

Одним из самых тяжких преступлений считалось убийство или ранение кровника в день, когда жители селения вышли на тревогу. "...С убийцы, – сказано в статье, – взыскивается все то, что полагается взыскать за беспричинное убийство или ранение другого – устанавливается кровная месть или ее выкуп 60 коров, штраф в размере двух быков, двух котлов; он обязан также возместить все расходы, связанные со своим преступлением".

О применении ишкиля в гидатлинских адатах говорится лишь в одном случае: «Виновный в самовольном захвате – в ишкиле или в приеме захваченного имущества у лиц, происходящих из обществ Карах, Келеб и Ратлуб, без разрешения на то «старейшин, подвергается штрафу в размере одного быка».

Следовательно, ишкиль мог быть применен в Гидатлинском обществе лишь с разрешения старейшины сельского хозяйства. Разрешение старейшин требовалось и в том случае, когда ишкиль применялся к жителям тех обществ, с которыми гидатлинцы имели соглашения о порядке разрешения споров.

Наличие в сборнике нескольких норм, устанавливавших наказание за отказ от судебного разбирательства, дает основание предполагать, что ишкиль применялся довольно редко. Не было необходимости прибегать к имущественному захвату для удовлетворения своих справедливых претензий, так как общинная администрация принимала меры для обеспечения судебного разрешения имущественных и других споров.

Широкое распространение ишкиля в эпоху патриархально-родового строя было следствием отсутствия органов власти, имевших силу к принуждению в исполнении обязательств имущественного характера. Параллельно с возникновением администрации и укреплением ее роли в обществе сфера применения ишкиля значительно сужается.

В сборнике гидатлинских адатов немало юридических обычаев, направленных на охрану частной собственности. Из имущественных преступлений упоминаются воровство,

грабеж, самоуправное отобрание вещей, поджог чужого имущества. Возникновение и развитие уголовно-правовых понятий об имущественных вступлениях связано с ростом и укреплением частной собственности, ее все усиливающейся правовой защите.

О степени охраны частной собственности в Гидатлинском обществе можно судить по тому факту, что за убийство вора и грабителя в момент преступления никто не привлекался к ответственности. Более того, с тех, кто умышленно выпускал из своих рук вора и грабителя взыскивался очень крупный штраф – 30 коров.

Виновный в краже должен был отдать обществу одного быка и двухкратную стоимость краденого потерпевшему. К машной краже приравнивалось похищение вещей на кутане. Устанавливалась ответственность за соучастие в краже, а также за покушение на кражу. В качестве соучастника кражи нес ответственность даже тот, кто покупал у вора что-либо из похищенного.

За поджог чужого имущества виновный подвергался штрафу в размере двух медных котлов, а также возмещал стоимость сгоревшего.

Помимо посягательств против личности и собственности в сборнике гидатлинских адатов упоминаются и другие действия, признаваемые общественно-опасными.

К ним относятся поднятие ложной тревоги о походе жителей общества на врага или для какой-либо другой цели, утаивание имущества, покидающего Гидатлинское общество, нерадивое отношение к охране Гидатлинского моста, оказание содействия виновному в неуплате штрафа и др.

Своеобразна и ответственность за совершение названных выше деяний. Приведем несколько примеров. "Если житель Ги-датлинского общества во вред своему селению или всему обществу переселится в другое общество, то все его имущество переходит в собственность Гидатлинского общества". Оказание помощи в любой форме покидающему обществу, в том числе и утаивание его имущества, считалось тяжким преступлением. С виновного взыскивалось по одному бычку за каждый день, пока это имущество он не передаст Гидатлинскому обществу.

Содействие в неуплате штрафа лицом из сельского управления влекло за собой отвержение его односельчанами и всем обществом.

С виновного в сборе сельских судей по ложной тревоге был установлен выкуп и штраф, а до того, как он их внесет, должен был, как сказано в тексте, кормить судей досыта.

Строгая ответственность за действия, признанные вредными для всего общества, малочисленность различных запретов и предписаний, нарушение которых наказывалось взасканием штрафов и, как крайней меры изгнанием из общества раскрывают степень зависимости личности от сельской власти, находившейся в руках зажиточной верхушки. Иначе говоря, это свидетельство того, что в так называемых вольных обществах положение личности далеко не являлось вольным, а определялось целой системой принудительных мер, направленных на то, чтобы держать население в повиновении.

Здесь же следует сказать о том, что за любые действия против изгнанного из общества и даже за убийство его никто не привлекал к ответственности. В сборнике адатов не указывается, за какие преступления применялось такое наказание, как изгнание из общества. Можно предполагать, что из общества изгоняли тех, кто не подчинялся решениям сельской администрации.

Основным способом доказательства виновности по гидатлинским адатам оставалась присяга. Число присяжников не превышало 15 человек. Если не хватало соприсягателей из среды родственников, разрешалось их состав пополнить посторонними односельчанами. Различалось два вида присяги – обвинительная и очистительная. Как правило, присягу принимало 3 человека. В отдельных случаях достаточно было присяги одного человека, как сказано в тексте, верного и справедливого человека.

Очевидно, от сельской администрации зависело признание кого-либо верным и справедливым человеком.

Одна из норм предусматривает доказывание факта убийства показаниями двух свидетелей.

Институт присяжничества в основных чертах не отличается от присяжничества в Аварском ханстве и Кайтагском улусе.

Все выше изложенное дает нам основания сделать следующие выводы:

1. В гидатлинском "вольном" обществе в XVI в. наряду с общинной собственностью на пахотные и пастбищные земли, существовала также частная собственность на пахотную землю (мюльки), сенокосы, скот, хозяйственные постройки.

Рост и укрепление частной собственности можно установить на основе анализа имущественных деликтов, известных в Гидатлинском обществе.

2. Кровная месть и ишкиль, являвшиеся институтами родового строя, в новых социально-экономических условиях занимали подчиненное место в системе мер, принятых в Гидатлинском обществе для ограждения жизни и имущества общинников.

3. Гидатлинские адаты во многом испытали влияние писаного мусульманского права, коснувшееся также уголовно-правовой сферы, в частности в вопросах кровной мести, очередности имущественной ответственности при штрафах и т.д.

4. Уровень развития правовых институтов в Гидатлинских адатах XVI-XVII в. в основном соответствует уровню кодекса Умму-хана и «Постановлений» Кайтагского улуса.

Гидатлинским адатам были известны некоторые понятия, которых нет в указанных выше правовых памятниках. В частности, в сборнике адатов фигурирует понятие наказуемой клеветы. При назначении наказания учитывались стадии преступной деятельности, степень участия в преступлении, субъективная сторона деяния.

5. Коллективная имущественная ответственность аулов, существовавшая в Гидатлинском «вольном» обществе, являлась следствием самостоятельности и независимости

джамаата, имевшего функции охраны и защиты прав общинников и потому выступавшего в качестве ответчика в случае правонарушения, совершенного членом сельской общины.

Памятники обычного права Дагестана – Гидатлинские адаты, кодекс Умму-хана Аварского, Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана – существенно дополняют исторические сведения об организации хозяйства и управления в низовых политических единицах – сельских общинах в XVI-XVII вв.

Названные правовые памятники, возникшие примерно в одно и то же время, позволяют проследить общие исторические процессы, происходившие в различных районах Дагестана.

Нормы и институты обычного права, зафиксированные в памятниках, опровергают распространенное в дореволюционной литературе мнение о господстве родовых порядков в Дагестане вплоть до XIX века.

Развитие уголовно-процессуальных понятий, изменения, происшедшие в институтах патриархально-родового строя, указывают на то, что правовые воззрения горцев в XVII в. формировались в условиях становления и развития феодальных отношений. В обычном праве горцев этого периода уже различались понятия умысла, пособничества, покушения, отягчающих и смягчающих вину обстоятельств и другие, существование и развитие которых возможно было в классовом обществе. "Родовым сообществам, – писал М.М.Ковалевский, – одинаково чуждо, как понятие о наказуемости покушений, так и различия несчастного случая от преднамеренного злодеяния, а также всех увеличивающих и уменьшающих вину обстоятельств"[116]. Причину этого он объясняет тем, что в родовом обществе в преступлении видели только вред, нанесенный роду, а наказание играло роль возмездия за причиненный урон.

Не отрицая существования в обычном праве горцев уголовно-правовых понятий классового общества, М.М. Ковалевский считает источником их возникновения влияние писаного мусульманского права – шариата.

Касаясь этого вопроса, он делает вывод, что "сопоставление начал шариата с теми, каких в соответствии с общими началами древнего мира, придерживается народный обычай или адат, дает нам ключ к пониманию источника, из которого постепенно внесено было в адатное право понятие умысла, неосторожности и случая, различия умышленных, неосторожных и случайных преступлений, оконченного и неоконченного злодеяния или так называемого покушения, а также и того воззрения, что месть должна быть равномерна обиде, и что похвально простить кровника под условием выкупа и еще более помимо его"[117].

Такое же мнение высказывали и другие исследователи. А.В. Комаров полагал, что общий взгляд на преступление и наказание и на способы доказательств виновности в обычном праве горцев выработался под влиянием духа мусульманской религии[118].

Обоснована ли подобная точка зрения? Можно ли существование и развитие правовых норм и институтов в обычном праве горцев объяснять простым заимствованием из шариата? Нам думается, что теория заимствования правовых понятий и институтов из других систем права ошибочна в своей основе. Мы далеки от утверждения, что шариат не

оказал определенного влияния на правовые воззрения горцев, но вместе с тем мы считаем необоснованным испертрофировать роль и значение шариата в правовом развитии дагестанских народов.

Если даже предположить, что точка зрения М.Ковалевского о влиянии шариата на горский адат является правильной, то и в этом случае противоречие ни в коей мере не устраняется. Возникает вопрос, каким обрезом в условиях родового строя могли действовать нормы классового права шариата. Нельзя объяснить и то положение, что в Дагестане на основе адата разрешались уголовно-правовые вопросы, а по шариату гражданско-правовые вопросы.

Мы полагаем, что дело обстоит следующим образом. Ко времени проникновения ислама в Дагестан у горцев ужескладывались основные понятия уголовного права.

История права свидетельствует, что в праве различных народов кровная месть постепенно ограничивалась эквивалентным возмездием, затем развивалась система композиций, на смену присяге приходили свидетельские показания ит.д. Этот процесс, отчетливо прослеживающийся в правовых памятниках XVI-XVII вв., является закономерным результатом социально-экономических сдвигов в обществе. Шариат мог способствовать ускорению этого процесса. И, разумеется, не будь соответствующих социально-экономических условий, эти нормы и понятия не могли бы существовать, каким бы сильным не было влияние писаного права.

Гражданские правоотношения разбирались в Дагестане по шариату, но следует заметить, что и в этой области права адат играл немалую роль. Семейно-правовые и вопросы наследования в Дагестане регулировались шариатом, однако, как это правильно отмечено М.М.Ковалевским, когда нормы шариата противоречили вновь возникающим и развивающимся отношениям, эти вопросы разрешались по адату. Никаким влиянием шариата нельзя объяснить возникновение в обычном праве горцев института завещания, который в условиях родового строя не имел значения.

Нормы по завещанию имущества возникали и действовали при наличии малых индивидуальных семей и их собственности.

Анализируя семейное и наследственное право горцев в своей капитальной работе "Закон и обычай на Кавказе" М.М.Ковалевский приводит богатый фактический материал. Этот материал противоречит концепции М.М.Ковалевского о господстве родового строя в Дагестане в XIX и убедительно подтверждает тот факт, что в Дагестане задолго до XIX в. господствующей формой семьи была малая индивидуальная семья, обусловившая возможность применения норм шариата, так и возникновение местных обычаев в сфере семейно-брачных отношений, дополняющих или видоизменяющих нормы писаного права.

Таким образом, мы приходим к выводу об ошибочности мнения М.Ковалевского и других дореволюционных исследователей, признававших за шариатом основную роль в формировании правовых институтов горцев.

Сходство правовых институтов и норм обычного права горцев с институтами и нормами шариата не является основанием для утверждения о заимствовании их из шариата. Согласиться с этим означало бы полную недооценку самостоятельного правового

развития народов Дагестана, обусловленного изменениями материальных условий жизни общества.

Индивидуализация ответственности, ослабление кровнородственной имущественной солидарности, возникновение норм и институтов, направленных на защиту частной собственности, замена кровной мести композициями – все это результат имущественной и классовой дифференциации в обществе.

Сельские общины Дагестана XVII века – это территориальные объединения, в которых живут люди разных тухумов. Ни в одном из рассмотренных нами правовых памятников нет никаких указаний о родовом характере поселений.

Пахотная земля и сенокосы являлись объектами частной собственности. В общинном пользовании оставались леса, пастбища, луга.

Многие нормы, устанавливающие штрафы и взыскания, не распространяют обязательной имущественной ответственности на всех родственников виновного. Круг лиц, отвечающих своим имуществом за действия виновного, ограничен ближайшими родственниками, составляющими, по существу, индивидуальную семью.

Все три правовых памятника содержат немало норм, касающихся ответственности за посягательства на частную собственность. Везде речь идет не только о простом возмещении ущерба. Виновный возмещал стоимость похищенного в двух-трехкратном размере и вносил штраф в пользу всего общества, что говорит о наказании вора от имени общества. Следовательно, акт воровства вызывал общественные последствия. Во всех памятниках имелись указания о безнаказанности убийства вора, застигнутого с поличным.

Институты патриархально-родового строя изменили свое содержание и утратили частный характер. Правила об их применении регламентировались сельской администрацией. Нарушение установленных правил строго наказывалось.

Все жители сельской общины обязаны были под угрозой штрафа выполнять различные обязанности, возлагаемые сельской администрацией.

Представители сельской администрации пользовались известными льготами и преимуществами, часть штрафов поступала в их пользу.

Во всех правовых памятниках рабы рассматривались как вещь и за убийство раба была установлена лишь материальная компенсация хозяину.

Все изложенное дает основание сделать общий вывод о том, что формы общественной жизни горцев в XVII в., несмотря на сохранение общинной собственности, определялись возросшей ролью частной собственности на землю и скот, имущественной и классовой дифференциацией в обществе, формированием и развитием органов местной и центральной власти.

ИНСТИТУТЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА ДАГЕСТАНА

Отдельные институты и нормы обычного права горцев, возникшие еще в период родового строя, пережиточно сохранились и в XIX веке. Содержание и практическое их применение постепенно подвергалось эволюции, и уже ко времени присоединения Дагестана к России в обычном праве горцев преобладают черты феодального развития.

Изменения, обусловленные процессом феодализации горского общества, в наибольшей степени прослеживаются в таких институтах и нормах как кровная месть, присяжничество, адаты по имущественным правонарушениям, адаты по гражданским делам. При рассмотрении их мы пользуемся, наряду с неопубликованными источниками и материалами, собранными в "Адатах Дагестанской области и Закатальского округа". В сборниках адатов округов, помещенных в названном источнике, зафиксированы нормы, действовавшие до присоединения Дагестана к России. Следует лишь оговорить, что имущественные взыскания за штраф в них часто заменяются денежным эквивалентом.

Во избежание повторений в работе приводятся лишь те материалы по народностям, которое позволяют установить определенную закономерность в развитии правовых институтов.

§ 1. Кровная месть

В обычном праве горцев, развивавшемся как право феодального типа еще задолго до присоединения Дагестана к России, в силу ряда социально-экономических причин стойко сохранились пережитки родоплеменного строя. Наиболее распространенным из них являлся обычай кровной мести.

В правовых памятниках XVI – XVII вв. – кодексе Умму-Хана, Гьдатлинских адатах, «Постановлениях Рустем-Хана» кровная месть не только не была запрещена, а, наоборот, была предписана. Вместе с тем, для признания ее "законности" требовалось соблюдение ряда условий.

Правовое регулирование обычая кровной мести, имевшее целью избежать массовое кровопролитие, было направлено на всемерное ограничение произвола и самоуправства отдельной личности и тухумов по кровным делам. Уже в названных правовых памятниках заметно постепенное вытеснение кровной мести выкупными, а также сокращение круга лиц, имеющих право на осуществление кровной мести. В "Гьдатлинских адатах" правом мести обладали лица, которые согласно шариату являлись наследниками убитого.

В основных чертах правила применения кровной мести сводились к следующему. Немедленно после совершения убийства убийце объявлялся кровником-канлы и обязан был покинуть аул. Нередко, в зависимости от тяжести содеянного назначались в изгнание вместе с убийцей его ближайшие родственники (от 1 до 6). Через некоторое время, от

бдней до года, изгнанные родственники, называемые мал-канлы, в отличие от главного виновника баш-канлы, искали примирения с родственниками убитого и вносили им определенный алум деньгами или вещами. Вносился также штраф в пользу сельского общества. После примирения можно было мстить только главному виновнику – самому убийце.

По истечении довольно продолжительного времени, не менее года, родственники канлы с помощью посредников старались за особое вознаграждение – дият добиться прощение убийце у родственников убитого. С момента уплаты дията канлы уже мог возвратиться в свой аул.

Описанные правила имели немалое количество особенностей. Почти во всех местностях различались величина алума, штрафа и дията, сроки примирения, в некоторых местах не применялся алум, в других не было штрафа в пользу общества и т.д.

Кровник, покинувший свой аул, поселялся где-либо по соседству. По дагестанским адатам считалось крайне предосудительным отказывать канлы в убежище. Почти повсеместно действовали специальные адаты, обязывающие принимать канлы, а также карающие за содействие в его преследовании.

Уже в правовых памятниках XVI-XVII вв. достаточно ярко видна эволюция кровной мести. Принцип талиона «око за око, зуб за зуб», пришедший на смену всеобщей обязанности кровно-родственного коллектива непременно мщения убийце, заметно вытеснялся выкупом, аналогичным русской вире. Неоднократно встречающееся в «Постановлениях» Рустем-Хана изгнание семи канлы первоначально допускало месть в отношении любого из них. В результате распада кровно-родственного коллектива на меньшие группы родственников и ослабления родственной солидарности, на первый план выдвигается ответственность непосредственно виновного лица-канлы, которого разрешалось убить, а остальные родственники, по существу, несли лишь ответственность материальную. Впоследствии родственники канлы не покидали аул, но до примирения избегали встречи с родственниками убитого.

Наряду с ограничением права мщения кругом ближайших родственников сужается также сфера применения кровной мести. Многие обиды личные и ищущественные, вызывавшие обязательное применение кровной мести разрешаются возмещением ущерба потерпевшей стороне.

Система композиций, возникшая в стадии разложения родо-племенного строя, пережиточно сохраняется и при феодальных отношениях, однако в условиях ее применения проводится принцип права-привилегии. Постепенное изменение правил и условий кровной мести проходило в направлении узаконения неодинакового подхода к охране жизни личности в зависимости от имущественного и социального положения. А.В. Комаров по этому вопросу писал "Кровомщение, допускается между лицами одного сословия. На этом основании бек, убивший узденя незначительного рода (тухума) подвергается только изгнанию на короткий срок (три месяца), по истечении которого родственники убитого обязаны, за определенное вознаграждение, с ним примириться, без соблюдения обрядов, установленных адатом для примирения. За убийство раба виновный обязан только уплатить владельцу высшую плату, какая полагается при сценке

рабов. Раб, убивший узденя или бека, не подвергается кровомщению, за него выходит в канлы его владелец, если не освободит его"[119].

Так, в адатах Кайтаго-Табасаранского округа правила по кровной мести применялись в зависимости от принадлежности убийцы к слабому и сильному тухуму.

1. Если убит член слабого тухума представителем сильного тухума, то за кровь платилось имущество на сумму **600** руб.
2. Если убит член сильного тухума представителем слабого тухума, то убийца обязан был, взяв за руки своих детей и жену, выйти из дому, оставив весь дом со всею домашней утварью родственникам убитого, даже в случае превышения суммы имущества вдвое более цены крови (**600** р.).

Кроме того, он принимал присягу в том, что у него нет никакого другого имущества;

3. Если убийца бедного состояния, а родственники не могли или не хотели ему оказать помощь в уплате цены за кровь, убийца оставался кровником до своей смерти[120].

В статье "О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа" автор приводит лично ему известный факт, когда один кайтагец вместе с сыном своим, убил, в разное время **18** одноаульцев, но, опираясь на силу своих родственников, оставался ненаказанным и был задержан только в **1861** году с открытием Окружного управления[121].

Самой распространенной причиной применения кровной мести являлось убийство. Адаты по убийству в основных чертах сходные во всем Дагестане, имеют и ряд различий даже в среде одной народности. Поэтому целесообразно рассмотрение адатов по кровным делам отдельно по народностям.

Согласно общим адатам даргинцев в убийстве всегда обвинялся один человек, а если убитому нанесено несколько ран, можно было обвинить двоих, но не более. Убийство доказывалось присягой кораном обвинителем с шестью родственниками. Различалось простое и убийство с отягчающими обстоятельствами, называемое кара. Убийца признавался кровным врагом, баш-канлы, родственником убитого и до примирения подвергался кровомщению. Вместе с ним признавались мал-канлы и шесть его ближайших родственников из совершеннолетних мужчин. Право на кровную месть имели все родственники убитого.

Размер взыскания за преднамеренное и случайное убийство одинаков, однако, если умирающий от случайной раны прощал убийцу, виновный освобождался от возмещения. За убийство по подкупу подкупивший не подвергался никакому взысканию.

Признанный убийца – баш-канлы – обязан был заплатить наследникам алум за кровь убитого **7** быков и **49** кари бязи. За убийство с отягчающими обстоятельствами к алуму прибавлялось еще **7** быков. Если родственники соглашались простить убийцу и примириться с ним, канлы платил определенную плату и угощал родственников убитого[122]. Мал-канлы могли примириться с родственниками убитого в любое время и при этом каждый мал-канлы уплачивал по одному быку.

В случае, если обвиняемый не имел возможности уплатить всего взыскания, разрешалось брать все имущество его и жены, за исключением необходимой одежды, оружия и пропитания на несколько дней. Когда и этого имущества сказывалось недостаточным, взыскание обращалось на **40** близких родственников обвиняемого по **20** со стороны отца и матери.

Родственники жены, когда взыскание налагается на мужа и наоборот, взысканию не подвергались.

Примечательно, что родственники, участвовавшие в платеже композиции, впоследствии могли требовать от обвиняемого возвращения уплаченной ими доли.

Отметим наиболее важные различия в правилах применения кровной мести по частным адатам даргинцев. По адатам Акушинского, Балхарского и Цумиканских обществ наследникам убитого алум составлял **2** быка, зато штраф джамаату уплачивался в размере **7** быков. Подозреваемый в убийстве удалялся в канлы один. Мал-канлы не назначались. Очень строго каралось содействие в убийстве канлы. С виновного взыскивался штраф семь быков в пользу джамаата, если же убийство совершилось, дом содействовавшего разорялся.

В случае смерти канлы до примирения родственники его должны были дать родственникам убитого **12** кусков бумажной материи, а до уплаты ближайший родственник умершего считался канлы.

В Микагинском обществе при несостоятельности обвиняемого поочередно брали имущество ближайших родственников, состоящих в такой степени кровного родства, которое не допускает по мусульманской религии вступление в брак. Когда и это имущество недостаточно назначали для платежа **30** родственников по **15**-ти со стороны отца и матери.

За убийство, помимо алума и штрафа, уплачиваемые обвиненным, взыскивался штраф с семейства и **14**-ти ближайших родственников.

По адатам Мугинского общества при несостоятельности обвиняемого платили родители, братья и сестры. Затем, если взыскание не погашено, назначали **10** ближайших родственников по **5** со стороны отца и матери и т.д. до полной уплаты. По адатам Сюргинского общества отец, убивший сына или дочь, платил только штраф. Нельзя не привести и такой адат: «Обвиненный в убийстве остается баш-канлы до примирения и тогда если бы впоследствии обнаружилось, что он обвинен неправильно и открыт был действительно виновный»[123].

Такой факт описан Г.Амировым. Просьба одного жителя изгнанного в канлы возвратиться домой, так как признание действительного убийцы обнаружилось, что он не виноват, обществом было отклонено. После того, как кадий огласил просьбу, один из стариков предложил поступать согласно адату. Был зачитан адат. "Кто раз объявлен канлы принятием присяги на коране с **40**-ка родственниками и изгнан из аула, тот будет считаться убийцей и останется в изгнании до истечения срока, если бы даже впоследствии оказалось, что не он убийца. Показания свидетелей и даже признание

настоящего убийцы, после присяги на другого, на будут считаться действительными, однако, для безопасности, последний все-таки будет изгнан в качестве канлы"[124]. Один из присутствующих на джамаатском сходе пояснил: "Наш адат не принимает во внимание такой просьбы Признанный убийцей и канлы присягой на коране, по нашему адату, не может быть возвращен или оправдан, чтобы ни случилось впоследствии. Иначе, это было бы святотатство, оскорбление Бога (да смилуется Он над нами!). Иначе, это означало бы, что мы готовы принимать присягу на святом коране, не будучи вполне уверены в справедливости нашего дела"[125].

Общество считало, что лучше допускать осуждение одного невинного, чем поколебать значение присяги именем бога, признав лжеприсяжниками многих, доказывавших факт убийства.

Ряд очень значительных отклонений в правилах кровной мести имелось в адатах Урахинского общества. За убийство с баш-канлы взыскивалось 8 быков, причем вместо 4 быков виновный был обязан отдать пахотное место. Один бык взыскивался в качестве штрафа в пользу тургакам.

При убийстве по подкупу подкупивший признавался мал-канлы вместо ближайшего родственника. В случаях, когда подкупивший имел право на месть, он освобождался от какой-либо ответственности. Отец за убийство сына объявлялся канлы, только в том случае, если у убитого были жена и дети.

Содействовавший в убийстве канлы сам делался канлы хозяина дома, где жил убитый. С него брали штраф один бык тур-гакам, два джамаату, два хозяину дома. Кроме того, дом виновного разорялся. По Ураханским адатам гораздо меньше круг родственников, на которых обращалось взыскание при несостоятельности основного виновника. Если имущества ближайших родственников (степень родства не допускающая заключение брака) не хватало для уплаты взыскания, назначались родственники три со стороны отца и два со стороны матери. Влияние весьма древних правил о кровной мести можно установить в адатах Цудахарского общества. Кровомщению подвергался не только непосредственный виновник, но и все члены его семьи, живущие с ним в одном доме. Все семейство объявлялось канлы и каждому ее члену можно было мстить, как и самому убийце. Об очень сходном явлении из осетинского обычного права М.Ковалевский писал: «Из приведенных данных с наглядностью выступает тот факт, что осетинское обычное право перешло уже на ту ступень развития, когда плата за кровь возлагается всецело на тот двор, на ту нераздельную семью, в которой проходила жизнь виновного до совершения им преступления. Право обиженного забрать не только имущество, но и семейство бежавшего ответчика и право этого семейства откупиться от такой неизбежной потери свободы путем уплаты, следуемого, обвиненному выкупа – означает ничто иное, как такую солидарную ответственность всей нераздельной семьи за преступления, совершенные одним из ее членов»[126].

Такая жесолитарная ответственность всей семьи проявляется и в наказании за убийство. Обвиненный в убийстве подвергался следующему наказанию:

1. Платил алум родственникам убитого два быка или деньгами 16 рублей, три сабы пшеницы, один батман курдючьего сала (1 батман – 6 ф.) и семь кари бязи (1 кары– 1/2 аршина);

2. Дом разорялся и сад вырубался;

3. Лес из дому, деревья из сада и все движимое имущество, какое будет найдено в доме, обращалось в пользу родственников убитого. Если обвиненный успевал вынести что-нибудь из движимого имущества из своего дома в другое место, то такое имущество не бралось;

4. Если у обвиняемого имелась баранта на кутане, то он должен был перевести ее на некоторое время на другой кутан[127].

Канлы запрещалось продавать оставленное им недвижимое имущество или пользоваться им до примирения.

Право кровомщения, в отличие от общих даргинских адатов, в Цудахарском обществе принадлежало родственникам убитого не далее 4 степени родства.

Заключая рассмотрение даргинских адатов о применении кровной мести, сделаем краткие выводы.

1. Кровная месть применялась непосредственно к виновнику. Назначение его ближайших родственников мал-канлы имело целью увеличить имущественное взыскание.

2. Алум, уплачиваемый наследникам немедленно после совершения убийства, достигал значительных размеров. Его уплата, как правило, была непосильна для семьи и требовала участия ближайших родственников. В качестве части алума пахотная земля отбиралась лишь в Урахинском обществе.

3. Для погашения имущественных взысканий в первую очередь бралось имущество виновника и его семьи, затем, по очереди, его ближайших родственников такой степени родства, которая не допускала по шариату вступление в брак.

При недостаточности всего этого имущества, взыскание обращалось на других родственников по линии отца и матери. Наименьшее число таких родственников по Урахинским адатам 5 человек, три со стороны отца и два с материнской стороны. В некоторых случаях родственники, принимавшие участие в платеже выкупов, впоследствии могли требовать от виновника возмещения внесенной ими доли платежа.

4. По адатам отдельных даргинских обществ право на месть ограничивалось родством не далее 4 степени.

5. Содействие в убийстве канлы признавалось одним из тяжких преступлений.

6. Преднамеренное и случайное убийство наказывалось одинаково, в том случае, если умирающий от раны или его родственники не соглашались простить убийцу по неосторожности.

7. Во всех даргинских обществах примирение состояло в уплате дията и угощении родственников убитого. Величина дията также была исключительно высокой.

Адаты по кровной мести у других народов основаны на тех же началах, что и даргинские, и имеют между собой большое сходство. Поэтому мы рассмотрим лишь некоторые особенности в правилах кровной мести.

У андаляльцев, а именно в сел.Чох, Согратль, Гамсутль, Эбох, Кудали, Кегер, Салты, **Меге**, Шуланы, Кулла, Бацада, Унты и Ругуджа, отец, убивший кого-либо из своих детей, по адату не нес никакой ответственности.

В сел.Кулла, Банада, Шуланы и Унты детоубийцу имели право преследовать лишь ближайшие родственники, имевшие право наследования после убитого. По адату сел.Ругуджа отцеубийцу мог преследовать только брат убийцы.

В адатах Чохского наибства кровной мести подлежал отец, если он лишил жизни сына или дочь без всякой вины. Право на месть имел брат убитого, если не было брата – лицо, избираемое родственниками.

Такой же порядок кровомщения проводил в случае, если брат убьет брата или сестру[128].

Здесь мы сталкиваемся с обычаем кровной мести, применяемой не только внутри тухума, что совсем не встречалось при господстве родовых порядков, но даже в малой индивидуальной семье.

Мщение внутри рода не практиковалось, так как оно вело к ослаблению рода. Родовым объединениям, сила которых определялась числом сородичей, не было смысла лишать жизни еще одного члена своего рода.

Из других особенностей кровной мести можно отметить обычай изгнания в канлы в сел.Салты, не только убийцы, но и всех членов его семьи[129].

Согласно адатам Карахского общества обвиненный в убийстве обязан был уплатить наследникам убитого дият в размере **250** руб., половину мясом, половину вещами или землю.

Разрешалось брать землю в качестве дията и по адатам некоторых вольных обществ.

При неосторожном убийстве дият взыскивался поровну с наследников по линии отца, а в случае их отсутствия, по линии матери. Сумма дията у аварцев была так же очень значительной. В селениях Гидатлинского вольного общества наследники убитого получали **15** коров натурой и стоимостью **15** коров имуществом. Помимо дията наследникам, взыскивались штрафы в общественную пользу. Мал-канлы у аварцев не назначались, не практиковался также и алум.

Некоторые особенности в применении кровной мести в аварских адатах, записанных в **18** в. В нормах по кровной мести, действовавших в сел.Батлаич, находившегося в зависимости от Хунзаха, установлены определенные привилегии для жителей Хунзаха. "Жители селения Батлаич младшие и взрослые согласились выдавать убитому человеку из Хунзаха по сто двадцать мерок зерна ежегодно, пока он остается кровником.

В случае отказа он может взыскивать посредством ишкыля, также единодушно обещали выдавать родственникам убитого их хунзахцев сорок мерок и представлять наследникам убитого хунзахца право разрушить дом убийцы"[130] своего отца или мать, или брата, или сына врагом каждого, в пользу жителей селения брать долю убийцы от имущества убитого по наследству; решать в пользу жителей селения одного быка стоимостью в двадцать пять козлят с того, кто помог такому убийце"[131]. В сел. Батлаич применялся адат, не встречавшийся в других джамаатах, "Жители селения Батлаич согласились признавать убившего

Вероятно очень давно действовал адат сел. Асса. "Также жители сел. Асса согласились на то, чтобы высылать из аула семьи убийц сроком на один год, а самого убийцу на всю жизнь; взыскать с него штраф одного быка в пользу селения, четырехгодовалого быка в пользу рода убитого при возвращении семьи убийцы в селение по истечении одного года, также угощение роду убитого в это же время". По смыслу приведенного постановления, не допускалось примирение с убийцей, что позволяет отнести этот адат к числу очень древних.

Весьма древний принцип ответственности за убийство, сходный с принципом «Русской правды» «поток и разграбление» встречается в одном из селений Гунибского округа. Дом убийцы разрушался до основания, портились его пахотные поля и вырубался сад[132].

Аналогичный обычай бытовал и у жителей Андийского округа. По совершении убийства родственники убитого нападали на убийцу, разоряли и разрушали все имущество убийцы в течение трех дней.

Если же кто-либо был смертельно ранен и родственники еще до смерти нападали на дом поранителя и разрушали его, разоряли имущество с каждого нападавшего взыскивался штраф по одному быку в пользу общества[133].

В лакских адатах лицо, совершившее убийство в ссоре или драке, тотчас же объявлялся канлы и изгонялся в другой аул. С ним вместе покидал аул и один ближайший родственник. Канлы и удалившийся с ним родственник подвергались мщению родственников убитого, но родственника можно было убить лишь в течение 40 дней после изгнания.

Братоубийца покидал место своего жительства, если этого требовали братья или другие родственники. Отец, убивший своего сына или дочь, не подвергался мщению родственников и не нес никакой ответственности.

Особый адат применялся в случае убийства кара. Убийца вместе с шестью родственниками удалялись в канлы. Все они подвергались мщению. В случае убийства любого из них вражда прекращалась, а за ограбленные вещи уплачивалась семикратная стоимость.

Правила кровной мести в Южном Дагестане в основных чертах сходны с общими дагестанскими правилами.

Право на убийство канлы имели ближайшие родственники убитого, которые при примирении убийцы, получали удовлетворение за кровь. К ним относились наследники покойного.

В канлы удалялись убийца и один-два его ближайших родственника. В течение непродолжительного времени побочные канлы из родственников, достигали примирения с врагами без особого затруднения.

По адатам Кюринского округа до присоединения Дагестана к России при примирении убийца обязан был заплатить **24** тумана; туман составлял три быка, или три коровы, или три ружья, или три сабли, или три паласа, или три участка земли и т.д., т.е. по три штуки одинаковых вещей. В сборнике адатов имеется указание, что в уплату принимались девушки, две девушки оценивались в половину суммы, следуемой за примирение[134]. Насколько это указание достоверно трудно судить, можно лишь отметить, что подобный адат нигде в других местах Дагестана не зафиксирован.

За нечаянное убийство виновный не изгонялся в канлы, но обязывался заплатить родственникам убитого цену крови.

За убийство отца, виновного должен был убить родной брат, если не было братьев, убийцу лишали доли наследства.

Известным шагом вперед в отходе от принципа частного характера кровной мести является уплата штрафа обществу отцом за убийство своего сына или дочери.

Если детоубийцей была мать, то она и ее родственники платили за кровь в обычном порядке отцу убитого и штраф в пользу общества.

Все взыскания за убийство и другие тяжкие преступления относились за счет общего имущества родственников, если только они жили вместе и вели нераздельное хозяйство.

Правила кровной мести у горских народов, сложившиеся в период присоединения Дагестана к России, свидетельствуют о коренном преобразовании тех начал, на которых было основано кровомщение в эпоху родоплеменных отношений. Прежде всего кровная месть имела место лишь в случаях причинения наиболее тяжких обид: убийства и несколько насильственных деяний, рассматриваемых как оскорбление чести и достоинства тухума.

Принцип индивидуализации ответственности, связанный с распадом большой семьи на малые индивидуальные семьи и ослабление родственных связей находит свое выражение во всем большем сужении круга лиц, на которых могла быть направлена месть, и круга лиц, имеющих право на кровомщение.

Кровная месть, ранее применявшаяся в отношении всех родственников обидчика всеми родственниками потерпевшей стороны, ограничивается, во-первых, тем, что мстить можно было только непосредственно виновнику и, во-вторых, право на месть имели только ближайшие родственники, являющиеся наследниками убитого или оскорбленного. Как исключение, в отдельных обществах, как например, Цудахарском допускалось

кровомщение ко всем членам нераздельной семьи, проживавшим в одном доме с обидчиком.

Горские адаты по кровным делам, как нам известно еще по памятникам XV-XVI вв., допускают освобождение от кровной мести уплатой обиженной стороне имущественных выкупов. Отмечая факт постепенного ограничения роли, играемой кровным родством в платеже композиций в обычном праве осетин, М.Ковалевский писал: "Исходным моментом этого процесса является тот период, когда обида, нанесенная частным лицом, считается обидой, сделанной целым родом, и потому возмещаемой всею совокупностью ее членов. От этой древнейшей стадий дошли до нас только факты переживания, говорящие о добавочном и совместном участии отдаленных родственников, наравне с ближайшими, но в несравненно меньшем размере"[135].

Факты переживания, свидетельствующие о совместном участии всех родственников в уплате выкупов, мы находим и в адатах горцев Дагестана. Назначение определенного числа родственников по линии отца и матери, обязанных вносить недостающую у ближайших родственников часть имущественных взысканий, является подтверждением участия всего тухума в платеже композиций. Следует подчеркнуть, что взыскание на имущество дальних родственников обращалось лишь в случае, когда всего имущества ближайших родственников не хватало для уплаты. Кроме того, по даргинским адатам родственники, платившие за несостоятельного, могли требовать впоследствии возврата всего уплаченного за него.

"Конечным моментом того же процесса (ограничения роли, играемой кровным родством в платеже композиций), – писал М.Ковалевский, – является уплата композиции самим обидчиком и получения ее наследником обиженного"[136].

Далее он отмечает, что между двумя стадиями в процессе ограничения роли кровного родства в уплате выкупов, «группируются все промежуточные стадии одновременного и преемственного участия отдельных групп родственников в платеже выкупов, ограничение этой обязанности членами нераздельной с обидчиком семьи, или наконец одним из ближайших его наследников»[137].

В большинстве горских обществ фактическое взыскание обращалось на имущество нераздельной семьи, в отдельных случаях имущество жены не подлежало конфискации. Так в сборнике даргинских адатов говорится: "Имущество жены не обращается в пополнение падающего на мужа взыскания только в таком случае, когда она сама заявила заблаговременно, что муж ее делает непомерные долги или другие обязательства, превышающие его состояние, или когда она первая объявила о сделанном мужем ее преступлении и при том представила несомненные доказательства"[138].

Система высоких выкупов, уплачиваемых за освобождение от кровной мести, ставила в неравное положение членов общества. Будучи разорительной для основной массы населения, она в то же время служила усиленной охране жизни феодальной знати, предоставляя возможность откупиться за убийство бедного человека. "Успех примирения, – писал А.В.Комаров, – много зависит как от вида убийства, так от состояния убийцы, связей родства или покровительства какого-либо влиятельного лица. Человеку бедному, не имеющему большого родства, которое могло бы ему помочь, трудно выхлопотать прощение от богатых и сильных родственников убитого, – тогда как убийца, богатый и

сильный родством и покровительством важного лица, иногда отказывается примириться с бедными родственниками убитого им»[139].

Кровная месть, первоначально являвшаяся актом, касающимся лишь родственных групп, в последующий период, с упрочением местной власти, вызывала и определенные наказания со стороны общества. Убийство кого-либо, помимо имущественного выкупа влекло и взыскание штрафа в пользу общества; иногда штраф превышал размер алума, который получали наследники убитого. Об этом же говорит и преследование обществом лиц, совершивших убийство своего ближайшего родственника или члена семьи.

В заключение следует подчеркнуть, что кровная месть у аварцев, даргинцев, лезгин и лакцев в процессе феодализации горского общества применялась в соответствии с определенными правилами, ограждавшими жизнь феодальной знати. Размер платы за кровь, оставаясь почти неизменным, уплачивался меньшим числом лиц, что вело к разорению и закабалению рядовых членов общества. Кровник лишался имущества и земли и в отдельных случаях даже своего жилища.

Для богатых же возможность откупиться создавала условия безнаказанности при совершении тяжких преступлений, направленных против крестьян. Нередко богатые и влиятельные лица, не желая уплачивать бедняку за кровь, вообще отказывались примириться с ним. Все это свидетельствует о глубоком преобразовании пережиточно сохранявшегося института кровной мести и применения его в соответствии с имущественным и социальным положением личности. В правилах применения кровной мести открыто провозглашались правовые привилегии социальной верхушки горского джамаата.

Присяжничество

Присяга являлась важнейшим видом судебных доказательств в период господства родоплеменных отношений. Ее большое доказательственное значение определялось религиозным представлением о последствиях ложной клятвы. Рассматривая вопрос о причинах, вызвавших к жизни институт присяжников М.Ковалевский писал: «...при тесном сожительстве между собою члены родовых и семейных союзов редко когда действуют обособленно друг от друга, поэтому и большинство совершаемых ими преступлений является актами не отдельных лиц, а целой группы нескольких соединившихся родственников. Очевидно, с другой стороны, что родственные отношения препятствуют членам не только одной семьи, но и одного рода свидетельствовать друг против друга на суде и что мотив, способный побудить их к такому свидетельствованию, должен быть достаточно сильным, чтобы заглушить в них на время голос крови»[140].

В ранних правовых памятниках Дагестана присяга и присяжничество применяются почти во всех случаях доказывания факта претендателем или отрицания его подозреваемым. Число присяжников в «Постановлениях Рустем-хана» обычно 7 родственников, при особо тяжких преступлениях – 40. В "Гидатлинских адатах" 15 присяжников, как в случае обвинительной присяги, так и очистительной. Причем, если не хватало соплеменников из круга родственников, разрешалось привлекать к присяге и посторонних односельчан, что

противоречило принципу родственной солидарности, на котором основывался институт присяжничества.

В кодексе Умму-хана число соприсяжников-родственников достигает **50** человек. Разрешалось принятие присяги и неродственниками. Допускались по кодексу и свидетельские показания, но необходимо было, чтобы муфтий признал их правильными. Местная администрация могла обязывать жителей аула принимать присягу.

Во всех трех правовых памятниках между числом присяжников и тяжестью совершенного деяния имелась прямая связь. Чем выше размер причиненного ущерба, тем большее количество родственников принимало присягу.

Институт присяжничества уже в горских адатах **XVI-XVII** вв. претерпел существенные изменения, выражающиеся, прежде всего, в допущении к присяге лиц, не принадлежащих к тухуму истца или ответчика.

Присяга и соприсяжничество играют немалую роль в судебном процессе и в **XIX** в. Вместе с тем, они уже не являлись первостепенным доказательством. Их значение, вследствие участившихся случаев ложных клятв, в значительной мере было поколеблено. На смену присяге постепенно приходят свидетельские показания и другие доказательства. В связи с ослаблением кровно-родственной солидарности, как результата имущественной и социальной дифференциации в обществе, институт присяжничества в **XIX** веке имеет лишь формальное сходство с правилами присяги в предшествующую эпоху.

Присяга в Дагестане была двух родов: присяга на коране именем бога и присяга «хатун-таллах». В случае ложной клятвы "хатун-таллах" присягнувший обязан был развестись со своей женой и кебин, данный им жене при заключении брака, ему не возвращался.

Число присягателей в разных обществах было неодинаково. Наибольшее количество от **12** до **60** назначалось в делах, вызывавших кровную месть.

По общим даргинским адатам по некоторым делам размер взыскания ставился в зависимость от того, какими доказательствами признано обвинение. Отдавая предпочтение свидетельским показаниям, собственному признанию и другим доказательствам, наименьший размер взыскания устанавливался в тех случаях, когда обвинение или иск признавались на основании присяги обвинителя или претендателя. Однако в тех случаях, когда ответчик или его родственники отказывались от очистительной присяги, это считалось несомненным доказательством виновности. В то же время такого значения не признавалось за обвинительной присягой ввиду возможных ложных оговоров.

В делах, разбираемых по адату, требовалась присяга не более двух свидетелей. Если свидетель один, то он присягал с двумя своими родственниками, которые, присягали «хатун-таллах».

Бремя доказывания лежало на истце – свидетели требовались только от обвинителя или претендателя. В свидетели не допускались: **1)** давшие обет никогда не присягать, **2)** куллы и караваша, **3)** заинтересованные в исходе дела по родственным отношениям.

Присягу могли принимать лица, достигшие **15** лет – родственники с отцовской стороны. Число присяжников определялось по каждому роду дел особо.

Среди условий обязательных для присягающего – проживание в одном ауле. Переселившиеся на постоянное местожительство в другой аул, хотя бы и своего общества к присяге не допускались. Для присяги обязательно требовались ближайшие родственники. В случае нарушения этого правила и привлечения к клятве дальнего родственника вместо близкого, дело считалось проигранным.

В гражданско-правовых спорах и исках от претендателя требовались свидетели, которые присягали «хатун-таллах». Лишь при отсутствии свидетелей ответчик давал очистительную присягу кораном с родственниками, число которых определялось в зависимости от цены иска.

По адатаи Акушинского, Балхарского и Цумиканского обществ женщины допускались в свидетели лишь при наличии мужчины-свидетеля. Свидетельство двух женщин приравнивалось к показанию одного мужчины.

В случае ложности присяги "хатун-таллах" свидетель, кроме обязанности развестись с женой, уплачивал штраф джамаату – одного быка. По адатам Мугинского общества за лонную присягу истца, ответчика или свидетеля взыскивался один бык в пользу джамаата.

Когда для присяги требовалось менее двенадцати родственников, то все они со стороны отца, а если более двенадцати – половина с отцовской и половина с материнской стороны. Однако это разрешалось при условии, что мать присягающего уроженка данного аула. Это правило уже значительно отходит от основного принципа, на котором базировался институт присяжничества – на родственной солидарности агнатов. М.Ковалевский, касаясь присяжничества у осетин, писал: «У осетин институт присяжников носит еще все следы своего происхождения из условий родового быта. Соприсяжниками являются только родственники со стороны отца, а не со стороны матери (агнаты, а не когнаты)»[141]. Далее он отмечает, что в силу родовой солидарности обязанность присяжничества непременно падала на тех лиц, которые еще до суда поддерживали ответчика в его вражде с истцом, т.е. на агнатов.

Агнатический принцип присяжничества в даргинских адатах уже был поколеблен. В число присяжников включались и родственники с материнской стороны. Адаты отдельных обществ допускали в качестве соприсяжников даже посторонних лиц – односельчан. М.Ковалевский отмечал, что при развитии семейных разделов "...даваемая родичами присяга приобретает значение ручательства их в том, что обвиняемый или ответчик есть лицо, заслуживающее доверия, т.е. что это такой человек, от которого нельзя ждать совершения данного преступления"[142].

Присяга по даргинским адатам применялась в тех случаях, когда нет других прямых доказательств. В соответствии с этим она играла вспомогательную роль в судебном процессе. Ко времени присоединения Дагестана к России институт присяжничества не являлся строго агнатическим.

В Сюргинском обществе к присяге призывались ближайшие женатые родственники с отцовской и материнской стороны. Когда требовалась присяга с **40** родственниками в

число присяжников можно было включать и женщин. Для доказательства претензии по поджогам каждый свидетель присягал вместе с двумя родственниками. По делам о порче имущества факт доказывался свидетелями. Если свидетель один, свидетель и претендатель принимали присягу.

По Цудахарским адатам свидетели присягали всегда вместе с шестью своими родственниками. В свидетели не допускались лица, состоящие в первых четырех степенях родства с претендателем. Когда требовалось 40 присяжников в их число входили родственники со стороны отца и матери (если мать уроженка данного селения) и даже посторонние.

В адатах Кайтага в случае, если воровство было доказано свидетелями, взыскивалось в 2 1/2 раза более похищенного. При доказательстве воровства применением присяги стоимость похищенного возмещалась в том же размере[143].

Если потерпевший от воровства имел одного свидетеля, последний, уличая виновного, принимал присягу с двумя сопри-сягателями, если было два свидетеля и, как указывается в сборнике адатов, они люди хорошего поведения, то их показания считались достаточными для уличения вора[144].

По аварским адатам, действовавшим в быв. Гунибском округе, присягатели назначались сперва по линии отца, затем по линии матери. В частных адатах быв. Тилитль – Гидатлинского наибства присягатели по воровству назначались потерпевшим из среды того общества, к которому принадлежал вор. Последнему предоставлялось право выбрать из них нужное число присягателей. Свидетели для доказывания воровства не привлекались. По делам о поджогах, порче и растрате чужого имущества в число соприсягателей включались и односельцы не являющиеся родственниками какой-либо стороне. Иногда присягатели назначались также по жребию. В Тлейсерухском обществе присягатели при краже имущества назначались потерпевшим из селения вора, не имеющим с ним родства и вражды.

По рукописным материалам, относящимся к обычному праву Гидатлинского вольного общества (XVIII – нач. XIX вв.) присяга занимает значительное место. За ложную присягу в сел. Гинта взыскивался штраф – бык стоимостью в восемь овец. Ложность присяги устанавливалась главами селения. Все жители селения обязаны были принимать присягу. "Если кто-либо из жителей селения не вышедший из его списка, – говорится в сборнике адатов сел. Мачада, – откажется от принятия присяги больше одного раза в год вместе с другими для доказательства воровства или «оправдания подозреваемого в воровстве, то за ним один исправный котел весом в четыре ратал». В сел. Урада лица, обязанные принимать присягу за уклонение от нее платили штраф – одну корову.

Присяга, хотя и играла известную роль, но тем не менее первенствующее значение принадлежало свидетельским показаниям. Так, в сборнике адатов сел. Гинта было установлено: «Если кто-либо насильственно ограбил имущество, или поломал дверь, или посеял пахотную землю другого, или насильственно завладел жилищем другого и это преступление установится показаниями свидетелей, за ним бык стоимостью в пятнадцать овец. Если свидетели не нашлись, то основываться на известности вреда населению. Если же и это не удастся, то применяется присяга трех людей из каждого рода"[145].

Не принимались в сел.Гинта имущественные иски по истечении года, если не было, как указано в тексте, "...справедливых свидетелей, доказывающих, что данное имущество является собственностью истца"[146].

"Если явятся два человека тяжущихся, – говорится в сборнике адатов Бежидского округа, – то по адату нашему требуется, чтобы истец представил свидетелей, а ответчик присягнул, и если истец представит свидетелей, то дело решается в его пользу, если не представит, то ответчик приводится к присяге»[147].

Имея в виду решающее значение свидетельских показаний для решения судебного дела, в Бежидских адатах установлена значительная ответственность – 15 овец – за лжесвидетельство.

Правила присяги у лакцев мало чем различались от описанных выше правил у даргинцев и аварцев.

Наибольшее число присяжников – 50 – требовалось для очистительной присяги при убийстве и подозрении в воровстве имущества из мечети, краже с мельницы, с поля или с кладбища. При недостатке ближайших родственников со стороны отца присяга принималась родственниками со стороны матери. Если из числа призванных к присяге 50 человек трое, а из числа 12 и 6 по одному отказывались принять оправдательную присягу, лицо подозреваемое признавалось безусловно виновным. Кулы не принимались в свидетели и не допускались к присяге ни по каким делам.

У лезгин доказательственное значение присяги, по сравнению с другими народами Дагестана, значительно упало.

Основными доказательствами считались собственное признание и показания свидетелей. Число свидетелей зависело от важности разбираемого дела. По особо серьезным преступлениям, имевшим своим последствием кровомщение, требовалось не менее 4-х свидетелей, по остальным делам достаточно было 2-х свидетелей.

При одном свидетеле требовалась присяга истца, что приравнивалось к доказательству двумя свидетелями. К свидетельству не допускались родственники сторон, что совершенно противоречит началам судебного процесса в патриархально-родовом обществе.

Пережитки института присяжничества сказывались в том, что свидетель должен был свои показания подтвердить присягой.

В качестве доказательства применялась присяга только в том случае, если не было других доказательств. В число присяжников входили, помимо родственников, посторонние люди.

Наибольшее число присягателей – 40 призывалось по наиболее серьезным делам, влекущим за собой кровомщение. Такое же число присягателей требовалось при покраже из дома, где находилось семейство хозяина, из мельницы, равно как и из саманника, из ямы, в которую ссыпают хлеб, из мечети и при воровстве плуга с поля, или за сожжение плуга там же[148].

Преимущественная роль свидетельских показаний по сравнению с присягой выявляется в том факте, что в случае, если ответчик очистит себя присягой, истец имел право возобновить свой иск, собрав надлежащие доказательства.

Таким образом, присяга, как доказательство, утратила свое былое значение, уступив его свидетельским показаниям.

Свидетелем мог быть всякий достигший 15-летнего возраста и неприкосновенный к разбираемому делу.

К свидетельству не допускались женщины, родственники, люди, опороченные общественной молвой и питающие к ответчику вражду.

В селениях Самурского округа свидетелями не могли быть 1) враги обвиняемого, 2) родственники убитого, к которым по каким-нибудь случаям может перейти наследство убитого, 3) люди дурного поведения, 4) люди, хоть раз, обличенные в лжесвидетельстве.

При сомнительности свидетеля требовалось, чтобы один из ближайших родственников принял присягу в истинности показаний свидетеля. В случае отказа родственника принять присягу свидетель считался не благонадежным и отводился от участия в разбирательстве дела.

Свидетельские показания принимались за доказательство, если свидетель был очевидцем факта или узнал о факте от самого ответчика.

Определенные условия предъявлялись и присяжникам. При очистительной присяге по воровству ответчик должен был выставить 4-х соприсяжников из близких родственников. Из них двух человек выбирал истец и двух ответчик.

В делах о поджогах требовалась присяга двадцати родственников, из которых десять выбирались истцом и десять ответчиком.

Общими характерными чертами института присяжничества являются следующие.

1. Присяга и соприсяжничество у горских народов ко времени присоединения Дагестана к России постепенно вытеснялись другими доказательствами, в первую очередь свидетельскими показаниями. Однако свидетели принимали присягу в правдивости своих показаний.

2. В число соприсяжников включались родственники с материнской стороны.

В некоторых обществах горного Дагестана соприсяжниками могли быть и посторонние лица, назначаемые одним из участников (истцом или ответчиком) судебного разбирательства, сельским судом и иногда по жребию.

Эти изменения свидетельствуют о коренном преобразовании института присяжничества: в период господства патриархально-родового строя к соприсяжничеству допускались только ближайшие агнаты, т.е. родственники со стороны отца.

3. Участвовавшие случаи ложных клятв именем бога вызвали назначение по адату определенного наказания за лжеприсягу.

4. В соприсяжники и свидетели в отдельных местностях допускались и женщины, что также противоречит основным принципам присяжничества в период господства патриархально-родового строя.

Различные социальное и имущественное положение лица являлось критерием, определяющим доказательственное значение присяги и свидетельства. Наибольшее доверие оказывалось присяге и свидетельским показаниям лиц, принадлежащих к социальной верхушке, и совершенно не допускались ни в качестве соприсяжников кулы и каравашки.

Имелась также возможность отвести нежелательного свидетеля, объявив его опороченным общественной молвой и т.д.

5. С распадом больших семей на малые индивидуальные семьи присяга родственников основывалась не на знании действительных фактов, а имела лишь характер ругательства, что значительно поколебало значение присяги как доказательства.

Значение присяги уменьшалось параллельно с процессом индивидуализации ответственности; за действия виновного своим имуществом отвечали не все родственники, а лишь ближайшие наследники – члены малой индивидуальной семьи.

С уменьшением роли присяги возрастало значение свидетельских показаний, однако в обычном праве горцев не выработалось отчетливой грани между присяжниками и свидетелями, так как, наряду с показаниями об известных ему фактах, свидетель принимал присягу в правдивости своих сообщений. Кроме того, вместе со свидетелем в процессе принимали участие присяжники, от которых зависело признание свидетельских показаний достоверными.

Адаты по имущественным делам

Следствием социальной дифференциации горского общества явилось возникновение в дагестанском обычном праве юридических норм, выражающих различный подход к охране жизни феодализирующейся общинной знати и остальной массы населения.

Наряду с этим, феодализирующаяся знать нуждалась в усилении защиты частной собственности, как базы своего господства. Уже в правовых памятниках XVI-XVII вв. имеются нормы о десятикратном возмещении стоимости похищенного имущества, отчетливо различалось воровство простое и квалифицированное, собственник имел право убить вора, пойманного с поличным. Помимо возмещения владельцу стоимости украденного, взыскивался также штраф в пользу общества.

В горских адатах, действовавших в XVIII-XIX вв. находит свое отражение дальнейший процесс укрепления и роста частной собственности. В них выражается всемерное ограждение имущества и имущественных прав собственника. Ответственность за имущественные преступления четко дифференцирована и поставлена в зависимость от ряда обстоятельств: места, из которого украдена вещь, ценности похищенного, способа завладения чужим имуществом, повторности воровства, а также вида доказательств, устанавливающих виновность.

По общим даргинским адатам вор возмещал стоимость похищенного и платил штраф. Двойной штраф взыскивался за воровство из мечети, мельницы, пашни и гумна, а также хлеба в колосьях.

Насколько важное значение придавалось охране частной собственности можно судить по тому, что к виду квалифицированного убийства ("кара") относились следующие случаи:

- 1) убийство на собственной земле,
- 2) убийство с целью ограбления убитого,
- 3) если кто по совершении убийства, хотя и без цели ограбления, возьмет какую-либо вещь, принадлежащую убитому,
- 4) если кто задержит чужую скотину на своей пашне или покосе, а хозяин скотины, сопротивляясь этому задержанию, убьет задержавшего.

Помимо непосредственного виновного в воровстве, наказанию подвергались и укрыватели вора или похищенного имущества.

Степень охраны частной собственности весьма ярко выражена и в следующей юридической норме общих даргинских адатов: "Если родственники убитого, желая из коровомщения убить канлы, нанесут какой-либо ущерб имуществу его, напр. убьют или ранят под ним лошадь и т.п., то без различия будет ли или не будет убит при этом канлы, они должны вознаградить за убытки канлы, а если он убит, то его родственников"[149].

При установлении имущественной ответственности учитывались смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. В случае добровольного признания вора, кроме возврата уворованного, он никакому взысканию не подвергался. Весьма своеобразно то обстоятельство, что потерпевший от кражи, если он ранее сам был изобличен в воровстве, получал лишь стоимость уворованного.

В адатах Акушинского общества украденная вещь или ее стоимость возвращались хозяину и сверх того взыскивалось девять вещей, равноценных украденной. Если обвинение признавалось только по присяге, потерпевший получал вещь, подобную уворованной. Во всех случаях, когда воровство сделано со двора, за приход вора во двор в пользу хозяина взыскивалось три барана. Кроме того, с вора брался штраф 7 быков в пользу джамаата. Но при обвинении по одному подозрению штраф не брался.

За воровство из мечети был определен исключительно крупный штраф: джамаату – 17 быков, мангушу и тургакам -17 быков, тургакам целого общества семь котлов или семь быков.

Всякое посягательство на чужую собственность, как видно из адатов Акушинского общества, рассматривалось как тяжкое преступление и наказывалось разорительными имущественными штрафами. Причем воровство уже не является делом, касающимся только потерпевшего и его родственников. Если потерпевший от воровства не объявлял о краже, получив честное удовлетворение от вора, с него в качестве штрафа взыскивался бык в пользу тургаков, а вор уплачивал штраф, установленный за воровство. При обвинении в одном воровстве нескольких человек, штраф брался с каждого отдельно, а удовлетворение хозяину давалось сообща всеми.

Штрафы и взыскания в пользу общества, помимо возмещения убытков потерпевшему, наказание за укрывательство и недонесение являются прямым следствием ограждения социальной верхушкой своей собственности путем усиления репрессий.

За покушение на воровство виновный подвергался определенному штрафу. Укрыватель вора и похищенного им наказывался одинаково с главным виновником. Наравне с воровом наказывался и обвиняемый в том, что знал вора, но не сообщил об этом.

В Микагинском обществе, если украденное было найдено, возвращалось хозяину вдвое, а за воровство барана вдесятеро.

В адатах, принятых в Сюргинском обществе, за воровство из мечети, мельницы, с пашни и гумна взыскивалось вдесятеро и крупный штраф в пользу джамаата.

Особый адат существовал в Урахинском обществе по недонесению о факте воровства. Штраф один бык брали с того, кто хотя не скрывал вора и вещей, но знал, кем совершена кража.

В Усишинских адатах за уворованное хозяин получал вдесятеро, если обвинение сделано по присяге претендателя, хозяин вместо уворованного получал подобную вещь по выбору. При доказанном воровстве взыскивался также штраф джамаату – один бык, картам – 4 котла, тургакам – одна саба пшеницы. За воровство из мечети, мельницы, с пашни и гумна сумма взысканий увеличивалась вдвое.

За укрывательство вора и сокрытие вещей с виновного взыскивался штраф джамаату – четыре быка.

По адату Цудахарского общества за воровство из мечети штраф джамаату и тургакам брался вдвое, а уворованное взыскивалось вдесятеро. Обвиняемый объявлялся канлы всего общества и удалялся из деревни. В десятикратном размере возмещалась стоимость украденного при любой краже, если обвинение было подтверждено какими-либо доказательствами или по отказу обвиняемого от очистительной присяги.

Кроме того, взыскивался штраф один бык джамаату и тургакам 7 котлов.

По аварским адатам вор возмещал потерпевшему стоимость похищенного и вносил определенный штраф в пользу общества. При удовлетворении потерпевшего взыскание обращалось на домашнюю утварь, животных и на недвижимое имущество.

Строгая ответственность за посягательство на частную собственность устанавливалась адатами Гидатлинского общества, действовавшими в XVIII веке. Семь коров взыскивалось по адату сел.Урада с того, кто присвоит или испортит какую-либо вещь.

По адату сел.Зиури, Мачада и др, хозяин имел право безнаказанно убить вора, застигнутого в доме или своем владении. В сел.Гинта вор возмещал хозяину убыток в пятикратном размере и еще один бык в качестве штрафа. Если вор и потерпевший заключали тайное соглашение о возмещении, с обоих взыскивался штраф[150].

Наказывалось также покушение за кражу. Наравне с вором отвечал и пособник, оказавший содействие в краже человеку из чужого селения. Хозяин дома, убивший ночного вора, не нес никакой ответственности, за убийство днем хозяин подвергался наказанию на общих основаниях.

В Бежидских адатах взыскивался штраф в пользу общества с того, кто войдет во владение или в дом кого-либо с намерением украсть что-нибудь.

За кражу из имения (так в тексте) взыскивалось в пять раз более. Кража из дома наказывалась штрафом в 12 коров. Еще более строгое наказание – штраф 24 коровы – назначалось за воровство из мечети, мельницы или укрепления.

Обычная кража имела своим последствием двойное возмещение потерпевшему и штраф на такую же сумму в пользу общества[151].

В Анцухском обществе за похищение лошади или быка виновный уплачивал штраф в пользу общества 30 руб. серебром, и стоимость 5 быков хозяину быка или 100 руб. серебром хозяину лошади.

С укравшего одну овцу брали 5 овец в пользу потерпевшего и одну овцу для общества.

В Ухиндальском обществе за воровство из стада штраф достигал 12 овец. В девять раз более стоимости похищенного взыскивалось за доказанное воровство в некоторых селениях Унцукульского общества.

Адаты андийских обществ за совместную кражу с каждого участника устанавливали полное возмещение стоимости похищенного.

С того, кто с намерением украсть что-либо вошел в чужой двор, взыскивался один бык.

Крупные имущественные штрафы за воровство в пользу общества и значительные возмещения собственнику раскрывают изменения правовых взглядов, рассматривающих посягательство на частную собственность как посягательство на общественный правопорядок, а не только как причинение вреда отдельной личности.

Потерпевший от воровства не ограничивался в сроках для предъявления иска. «Жители селения, – говорится в сборнике адатов сел.Урада, – согласились дать хозяину, у которого украли имущество, и доверенному им лицу право предъявить иск к вору, с согласия трех шурата в любое время, не ограничивая это право сорока днями, как это было у наших отцов»[152].

Величина штрафа с вора устанавливалась в зависимости от ценности похищенного.

При несостоятельности вора взыскание обращалось на его родственников по отцовской линии и на имущество жены, если она жила в его доме.

В сс. Ратлук, Ратлу-Ахвах и Тлянуб за вора отвечал только отец, в с.Тилитль – отец и сын вора, в сел.Зиури -отец, брат и сын вора, в с.Цеко – отец и мать вора, в с. Гоготль – отец, сын и жена вора.

В сел.Могох, Гоцо, Буцра, Уркачи и Шагада потерпевший от воровства тайно получивший удовлетворение сам нес ответственность, как за совершение кражи.

Лезгинские адаты по воровству предусматривали возмещение двукратной стоимости похищенного имущества и уплату т.н. муштулучных денег, т.е. расходов хозяина уворованного на отыскание виновника. Сумма муштулучных денег не должна была превышать стоимость похищенного. В адатах отчетливо различалась ответственность за простое и квалифицированное похищение. Ко второму виду относились кражи из дома, мельницы, мечети. Способы доказательств при краже в основном сходны с таковыми же у даргинцев и аварцев. Число присягателей также зависело от суммы похищенного.

В делах по воровству у лезгин свидетели играли значительно большую роль, чем у аварцев и даргинцев. Нередко истец имел тайных свидетелей, которые открывались и доказывали факт преступления, если ответчик принимал ложную очистительную присягу.

Потравы, умышленные и неосторожные поджоги и всякая порча имущества дагестанскими адатами подводятся под одну категорию с воровством.

За умышленный поджог по даргинским адатам, когда вина устанавливалась свидетельскими показаниями и другими доказательствами, в пользу потерявшего взыскивались убытки вдвое против цены сгоревшего и штраф 7 котлов для тургаков.

При неосторожном поджоге (когда виновный сразу же сообщил об этом) возмещалась только стоимость сгоревшего. В Урахинском и Цудахарском обществах за поджог хлеба на корне или в стогах убытки взыскивались в десятикратном размере.

Такие же правила действовали и в других случаях причинения материального ущерба. Двойной штраф взыскивался при умышленной порче в мечети, на мельнице, на гумне или пашне (кроме потравы).

За умышленную потраву по адатам Акушинского, Балхарского и цумиканского обществ сверх удовлетворения хозяина был определен штраф в пользу джамаата – 7 быков.

По Цудахарскому адату за порчу на мельнице виновный возмещал убытки вдесятеро, платил обычный штраф, определенный за порчу и сверх того 14 котлов в пользу тургаков.

В лезгинских адатах за поджог мечети, дома, саманника, хлебных скирд, сена и т.д. с виновного взыскивались убытки, штраф в пользу общества и нередко разорялся дом преступника.

Как известно, в родовом обществе в преступлении видели только вред, нанесенный роду, а наказание играло роль возмездия за причиненный урон. «Родовым сообществам, – писал М.М.Ковалевский, – одинаково чуждо, как понятие о наказуемости покушений, так и различие несчастного случая от преднамеренного злодеяния, а также всех увеличивающих и уменьшающих вину обстоятельств» [153].

В обычном праве горцев, в частности в адатах по имущественным преступлениям, отчетливо различались понятия умысла и неосторожности, дифференцировалась ответственность в зависимости от способа совершения преступления. Наказывалось покушение на воровство и укрывательство преступника и следов преступления. Везде собственник имел право на безнаказанное убийство вора, застигнутого с поличным.

Преступление, в том числе и имущественное, помимо возмещения вреда потерпевшему, наказывалось от имени общества, – взыскивался штраф крупных размеров. В некоторых обществах наказывалось недонесение о воровстве.

Охрана частной собственности постепенно становится одной из функций местной власти, вследствие чего воспрещалось тайное возмещение убытков потерпевшему.

Покушение или приготовление к похищению чужого имущества, не причинившие какого-либо ущерба, также являлись наказуемыми, иначе говоря, уголовно-правовые нормы по имущественным преступлениям предусматривали ответственность за само действие, независимо от его последствий.

Следовательно, нормы об ответственности за воровство приобретали значение уголовной кары, имевшей целью предотвратить посягательства на отношения собственности.

Наказание за воровство стало рассматриваться как орудие защиты общества от преступных посягательств. Оно обеспечивало охрану собственности феодалов и феодализирующейся знати, заинтересованных в резком повышении имущественной ответственности за посягательства на частную собственность.

Дифференцированная защита различных объектов собственности, учет объективных и субъективных факторов преступления при назначении наказания несомненно говорят о том, что обычное право горцев задолго до присоединения Дагестана к России развивалось как право феодального типа.

Адаты по гражданским делам

Гражданско-правовые отношения в Дагестане, как известно, регулировались на основе шариата. Однако нормы шариата, касавшиеся наследования, купли-продажи, сеиейно-брачных отношений, обязательственного права и других отраслей гражданского права, как нами уже ранее отмечалось, не могли быть механически перенесены на дагестанскую почву в качестве действующих правовых норм, если бы не было соответствующих социально-экономических условий. Нельзя представить такое положение, чтобы в обществе, основанном на родовой собственности и родовых порядках, действовали правовые нормы, возникшие в феодальном обществе.

Следовательно, применение институтов и норм права феодального общества – шариата само по себе свидетельствует об уровне общественных отношений у народов Дагестана, вступивших в период феодального развития задолго до **XIX** века.

Ко времени окончательного распространения шариата в Дагестане (**XV** в.), в обычном праве горцев еще не сложились нормы гражданского права. Нормы уголовного права, как более древние, к этому периоду уже выработались и потому, несмотря на продолжительную, насильственную практику их искоренения, они оставались в качестве местных юридических обычаев по разбирательству уголовных дел.

В связи с насаждением ислама и шариата процесс зарождения самобытных гражданско-правовых и процессуальных институтов приостановился и возникающие гражданские правоотношения разрешались в соответствии с установлениями мусульманского права.

В рукописных сборниках адатов аварских обществ (**XVII-XVIII** вв.) имеются нормы о наложении штрафов на тех, кто отказывался решать гражданские споры по шариату. Очевидно они возникли под влиянием мусульманского духовенства, заинтересованного в сохранении источника доходов, каковым являлось разбирательство дел по шариату.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что нормы шариата применялись не в чистом виде, а с учетом конкретных социально-экономических и бытовых условий Дагестана.

Касаясь взаимоотношений адата и шариата, М.Ковалевский подчеркивал, что народные юридические воззрения оказывали существенное влияние даже в тех сферах, в которых шариат одержал победу над адатом[154].

В результате этого в обычном праве Дагестана возникли и отдельные институты и нормы гражданского права, существенно различающиеся от аналогичных институтов и норм шариата. Уже в правовых памятниках **XVII** века имеются упоминания о таких понятиях, как залог имущества, пеня, исковая давность, домовое обязательство, договор купли-продажи, аренды, процессуальные сроки и т.д.

В материалах более позднего периода **XVIII** – нач. **XIX** вв. мы находим некоторые местные обычаи, касавшиеся семейно-брачных и наследственных взаимоотношений. В частности, дагестанские адаты устанавливали определенные имущественно-правовые последствия при несостоявшемся браке. Так, по даргинским адатам, когда причиной несостоявшегося брака являлся жених, он обязан был возвратить невесте полученные от нее подарки, его

подарки оставались у невесты. В случае, когда невеста отказывалась от жениха, она возвращала полученные подарки вдвое. Так же решался вопрос, если жених отказывался от брака, уличив невесту в легкомысленном поведении. Свое обвинение жених подтверждал присягой двух свидетелей Хабун-Талах. По адатам Микигинского общества с виновного несостоявшегося брака в пользу общества взыскивался штраф – один бык, в Мугинской общине штраф составлял три быка. В некоторых аварских селениях с отказавшегося от брака взыскивалось в пользу противной стороны поле на 1 1/2 сабы посева, причем иск доказывался двумя свидетелями[155].

В селениях Карахского общества при разводе жены муж последней обязан был по требованию отца жены вернуть приданое, даже в том случае, если не даст развода жене, так как приданое давалось отцом во временное пользование[156].

Если в приданое были получены животные, то в одних обществах они возвращались с приплодом, в других без приплода[157].

Адаты по брачным делам у лезгин сходны с приведенными выше, однако имелись и некоторые различия, связанные с тем, что, помимо подарков, у лезгин, каждый желавший жениться должен был заплатить условленную плату (пол-пул) и так называемые кебинные деньги, которые становились неприкосновенной собственностью женщины.

Исключительно большой научный интерес представляют гражданско-правовые обычаи даргинцев, собранные крупным знатоком дагестанского обычного права юристом и этнографом Баширом Далгатом, уроженцем сел.Урахи.

Из его материалов нами используются обычаи, касающиеся имущественных отношений между супругами, родителями и детьми, семейных дележей при жизни и после смерти отца, распоряжения на случай смерти. При совпадении адатных норм с шариатом у Б.Далгат имеется об этом указание. Мы, в основном, приводим здесь гражданско-правовые адаты, сложившиеся хотя и под влиянием мусульманского права, но изменившиеся в результате местной практики, или возникшие самостоятельно.

Имущество супругов, пока они жили вместе, являлось общим. В случае развода жена получала имущество по шариату. Если жена приобрела какое-либо имущество вместе с мужем или приобрела не на свои средства, такое имущество по адату признавалось мужниным, а по шариату обоим супругам.

По адату вещи, полученные супругами в виде даров, поступали в общую собственность. При разводе вещи, подаренные родственниками жены, составляли имущество жены.

Приданое всегда считалось собственностью жены, поэтому муж мог распоряжаться им только по ее согласию. Если, помимо ее воли, муж продавал пахотную землю, жена могла заставить мужа взамен проданного выделить часть из своих земель.

В период записи гражданских обычаев Б.Далгат жена по обязательствам мужа не несла никакой ответственности, однако она должна была заранее предупредить суд, что не будет платить за мужа. Б.Далгат отмечает, и то до присоединения Дагестана к России жена по адату отвечала за долги мужа.

Муж во всех случаях нес ответственность по обязательствам жены.

На сделки, совершенные женой, по адату всегда требовалось согласие мужа.

Таким образом, имущественные отношения между супругами основывались на раздельной собственности каждого из них в общем имуществе. Однако жена по адату ограничивалась в праве распоряжения общим и своим имуществом, муж ограничивался только в распоряжении имуществом жены.

В нескольких случаях адат предоставлял право мужу не возвращать имущество жены, в частности, если она убежит от него с другим мужчиной. По адату покинутому супругу увезший или его родственники даже уплачивали известную плату.

Адаты даргинцев довольно подробно регламентировали имущественные отношения между родителями и детьми. Отцу предоставлялось полное право лишить своих детей наследства. Непочтительного сына отец мог выгнать из дома, не дав ему никакого имущества.

Отец имел право отнять имущество детей, данное им при выделе. Имущество, завещанное дедом, отец не мог ни отнять, ни растратить, он распоряжался этим имуществом до вступления детей в брак. Адат разрешал на некоторое время закладывать это имущество.

За убытки, причиненные совершеннолетними и даже отделенными детьми, отец нес ответственность, если он до требования не объявлял отказа. До присоединения Дагестана к России, подчеркивает Б.Далгат, адат во всех случаях обязывал отца платить за долги детей, ни в каком случае не допуская отказа.

Долги отца по адату можно было взыскивать и с отделившихся сыновей.

Своеобразный обычай существовал у урахинцев относительно имущества семьи, в которую входили несколько членов.

«В семье, в которой живут несколько племянников и дядей, – сыновей с отцом, всегда имущество отдельное у каждого. Есть еще теперь несколько семей, состоящих из нескольких членов, у которых есть общий дом, мельница и общий сенокос, который не разделен, как у других, а косится вместе всеми, а потом уже делится сено. С мельницы же каждый член прибыль берет поочередно. Во всех же других делах и хозяйствах эти члены семьи находятся совершенно отдельно. Хотя дом у них общий, но стол не общий»[158].

Очень ценные данные зафиксированы Б.К.Далгат относительно семейных дележей при жизни отца. Одной из причин семейных дележей Б.Далгат считал желание отца, чтобы дележ не был произведен по шариату после его смерти. Он отмечает, что нередко отец выделял дочерям равные доли с сыновьями, хотя шариат устанавливал половинную долю.

Отец, имеющий несколько сыновей, мог отдать все имущество одному из них. И вообще, как подчеркивает Б.Далгат, отец мог совсем не считаться с шариатом и распределить имущество по своему желанию или жребью.

Если при общем дележе отец не брал себе части, сыновья обязаны были содержать его, выделяя определенное количество зерна и доставляя топливо.

Раздел недвижимого имущества также происходил по адату «... дом делится между всеми сыновьями или берут его двое или трое, а остальные вознаграждаются из земли за долю дома; мельница не делится, а от нее получается прибыль поочередно каждым сыном»[159].

Распоряжения на случай смерти, в основном, придерживались правил шариата, хотя нередки были и отклонения. Завещание, хотя по народным воззрениям считалось несправедливым, должно было строго соблюдаться.

Если имущество, пишет Б.Далгат, делилось не по шариату, а по взаимному согласию, предварительная оценка имущества производилась почетными стариками.

Приведенные адаты из материалов Б.Далгат вполне пригодны для общей характеристики гражданско-правовых отношений и у других народов Дагестана.

Особые адаты имелись в обычном праве по искам об обязательствах. По даргинским адатам не признавались действительными все заключенные условия и обязательства с лицом, о котором было объявление в мечети, что он человек расточительный и не платящий долгов"[160].

В аварских селениях Куяда, Корода, Маали, Хотог и некоторых других при несостоятельности должника ближайшие родственники не несли за него ответственность, если они всенародно в мечети объявляли о том, что они не отвечают за своего расточительного родственника.

Приведенный адат относится к числу древних, коренных обычаев горцев. Сходное правило имелось и в сборнике Рустем-Хана. Родственники, исключившие кого-либо из состава своего тухума, объявляли об этом в мечети, после чего освобождались от всякой ответственности за действия исключенного.

В частных адатах бывшего Тлейсерухского наибства при признании судом долгового обязательства, подлежащего удовлетворению, если у должника имущества меньше суммы долгов, то оно делилось между всеми кредиторами, соразмерно долгам. В Тлейсерухском и Мукратлинском обществах за долг сына отвечал отец, но только в том случае, если последний жил нераздельной семьей с сыном.

По Хунзахскому и Цатаныхскоцу адату родители не имели права отобрать у живущих от них отдельно детей имущество, отданное им в пользование.

Самобытные адаты в ряде отраслей гражданского права сложились у лезгин. Если кто-нибудь из детей оставил родительский дом без позволения, то он лишался доли наследства, если только отец при жизни не прощал этого поступка[161].

По адатам лезгин отцу предоставлялось право лишать своих детей наследства, если они своим поведением вызывали недовольство родителей.

Наследники без ясных доказательств не имели права претендовать на возвращение имения, отданного умершим в пользование кому-либо.

Предполагалось, что, если хозяин имения при жизни не предъявлял каких-либо претензий на имение, то оно было уступлено добровольно.

По договору купли-продажи применялся следующий адат. Если покупатель открывал в купленной им скотине пороки, о которых он не знал при заключении торга, и мог доказать это, то договор расторгался. В случае недоказанности наличия пороков до покупки, договор сохранял свою силу.

Адаты лезгин позволяют говорить о довольно высоком уровне развития договорного и обязательственного права. Так, например, при продаже части имущества, дома, сада и т.д., которое находилось в общем владении нескольких лиц, продавец обязан был предложить покупку своим сотоварищам, имеющим преимущественное право на приобретение продаваемой части из общего имущества.

При невыполнении кем-либо взятых на себя обязательств, он должен был возместить происшедшие от этого убытки.

Передавая исполнение принятых на себя обязательств другому, необходимо было известить об этом лицо, с которым имелся договор. В противном случае уступивший исполнение обязательств отвечал за неуспех предприятия.

Если какая-нибудь операция предпринималась несколькими лицами и выполнение ее с общего согласия поручалось кому-нибудь одному, действие последнего должны были отвечать интересам всех участников.

Если выполнявший операцию предпринимал действия, выходящие из круга допускаемых обычаев, об этом надо было поставить в известность своих компаньонов. В случае неисполнения этого требования, он отвечал за вред.

Если кто-нибудь засеивал чужое поле без позволения хозяина, вся жатва, за исключением семян, поступала в пользу хозяина.

Незначительность дошедших до нас горских обычаев по гражданским делам затрудняет многих важных сторон гражданского быта народов Дагестана, но несомненно одно, что правовые воззрения горцев задолго до XIX в. основывались не на родовых порядках, а на базе развития института частной собственности. Не говоря уже о том, что шариат не мог иметь почву для своего применения при родовых порядках, сам факт возникновения пусть даже немногих местных норм гражданского права и процесса бесспорно указывает на значительные социально-экономические сдвиги, характеризующие становление новых общественных отношений.

М.Ковалевский писал, что в праве в эпоху господства родового быта не имеется никаких различий между преступлением и гражданским правонарушением, так как в том и другом случае возникает месть, если виновный не откупится платежом положенной обычаем частной пени. Отсюда он сделал вывод, что вследствие этого процессуальные порядки

народа, живущего родовым устройством, не различаются между собой по характеру тяжбы.

Древнее право, отмечает он, «преследуя в преступлении причиненный им вред, мстя за него на первых порах всеми имеющимися в руках обиженного средствами, оно в конечном результате приходит к тому выводу, что последствием преступного деяния должно быть то же возмещение вреда и убытков, какое сопровождает собой совершение гражданского правонарушения. А отсюда само собой следует, что древнему процессу неизвестно существование рядом двух процессуальных систем гражданской и уголовной» [162].

Фактический материал позволяет вполне определенно установить, что в обычном праве Дагестана гражданское правонарушение и преступление существенно отличались по своим правовым последствиям.

Гражданское правонарушение вызывало лишь обязанность лица возместить ущерб, тогда как преступление наказывалось двухкратным, а иногда и десятикратным возмещением убытков и наложением крупных штрафов. Правда, иногда и при гражданском правонарушении взимался штраф, однако размер штрафа был очень незначительный. При отсутствии специальных органов, обеспечивающих выполнение адатов, установление штрафа за гражданские правонарушения имело целью в какой-то степени сдерживать от нарушения гражданско-правовых обычаев.

Имелись различия и в процессуальном порядке разрешения гражданских и уголовных дел. В первом случае основным, а иногда и единственным способом доказательства являлись свидетельские показания. Гражданские дела, как правило, разрешались сельским кадием, а дела уголовного характера выборным судом.

Применение гражданско-правовых норм шариата, возникновение местных гражданских обычаев, регулирующих имущественные взаимоотношения, с несомненностью указывают на то, что у народов Дагестана родовой быт задолго до XIX века уступил свое место отношениям, основанным на имущественной и социальной дифференциации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Изменения в обычном праве горцев после присоединения Дагестана к России)

Окончательное присоединение Дагестана к России во второй половине XIX в. ознаменовало переломный этап в истории горских народов, в развитии их экономики и культуры. В экономике и культуре горских народов, независимо от целей царизма, происходили прогрессивные изменения, коснувшиеся также обычного права.

Царское правительство считало невозможным и невыгодным для себя немедленно приступить к ломке веками сложившегося правового строя народов Дагестана и официально признало обычное право одним из источников действующего права. Вместе с тем, кавказская администрация ограничивала вообще применение многих обычно-

правовых норм, в некоторые нормы вносила изменения и, таким образом, старалась приспособить обычное право для целей своего управления. "Отношение русского правительства к горскому адату с самого начала нашего владычества, – писал М.Ковалевский, – приняло характер решительного признания и явного покровительства. Причина, побуждавшая русское начальство к такой политике, лежит в том соображении, что оппозиция нашему владычеству всегда выходила из сфер благоприятных шариату»[163].

Такая политика, по его мнению, упускала из виду, "что точное применение правил народного адата является препятствием к поддержанию внутреннего порядка и спокойствия в едва замиренном нами крае"[164].

Царизм, покровительствуя адату, отчетливо сознавал вредные последствия применения горских адатов, однако, невозможность полной отмены горских адатов и введения общеимперских законов, вынуждала к допущению адата, изменяемого кавказской администрацией, сообразно с интересами правительства.

В положении об управлении Дагестанской областью указывалось: «Судопроизводство отправляется по адату и шариату и по особым правилам постепенно составляемым, на основании опыта и развивающейся в них потребности»[165].

Начальникам округов предписывалось не приводить в исполнение решения по шариату и адату, противоречащие общему духу российских законов или не соответствующие видам правительства[166].

Допущение горских адатов в качестве действующего источника в полной мере отвечало интересам и местных феодалов, на которых опиралось царское правительство в осуществлении своей колониальной политики.

В докладе управления мирными горцами от 1 февраля 1841 года отмечалось, что "адат основан не обычаях, не согласных с общественным благоустройством и часто противоречащих и стеснительных для народа, потому что по адату в пользу владельца за все присуждаются штрафы, не соразмерные с состоянием простого класса людей"[167].

Далее в этом документе говорится, что "изменить существующий у горцев порядок судопроизводства в настоящее время было бы преждевременно и даже опасно: ибо изменение это несомненно вооружило бы против нас одно из сословий – князей и дворянство или духовенство".

М.Ковалевский, отмечая влияние шариата на горский адат, пришел к выводу, что оно стояло несравненно ближе к местным юридическим воззрениям, чем русское право. Поэтому он полагал, что применение норм шариата в сфере уголовного права было бы более правильным. С этим положением трудно согласиться, так как народы Дагестана, несмотря на длительное насильственное насаждение шариата, не желали отказываться от правил адата в решении уголовных дел. Все попытки запретить адат, предпринимавшиеся в Дагестане в течение длительного периода, и в том числе Шамилем, окончились безрезультатно.

Разумеется, царскому правительству было совершенно невыгодно насильно навязывать шариат, вызывая недовольство и сопротивление народа и, кроме того, оно не могло не считаться с тем, что это отвечало бы только интересам мусульманского духовенства, ориентировавшегося на Турцию.

Таким образом, опираясь на адат в своей политике на Кавказе, царское правительство имело в виду укрепить свое господство и с этой целью приспособляло обычно-правовые нормы для осуществления своей колониальной политики.

Однако было бы совершенно не правильным отрицать, что постепенное изменение горских адатов, осуществляемое для проведения колониальной политики, объективно вело к устранению в обычном праве принципов и норм, возникших еще в родовом строе и не соответствовавших уровню правосознания и правового развития горских народов.

Прежде всего с организацией военно-народного управления в Дагестане были предприняты меры, запрещающие убийство по кровомщению. Виновные в умышленном убийстве, преднамеренном и с корыстной целью подлежали наказаниям по военному суду или административной ссылке в отдаленные губернии России на определенный срок. Убийца арестовывался начальством до разбора дела и на это время избавлялся от убийства по кровомщению. Канлы строго запрещалось появляться в селении, где жили родственники убитого. И, наконец, всем окружным начальникам было предписано добиться примирения кровников, если кровная вражда возникла в сулчayah убийств в ссоре, драке, неумышленных и случайных[168].

По инструкции, утвержденной Главнокомандующим Кавказской армией от 1 августа 1867 года уголовные дела, при сохранении адатской системы доказательств, могли возбуждаться не только по жалобе заинтересованных или потерпевших лиц, но и по инициативе административной власти. Помимо этого, наряду со взысканием адатных штрафов и вознаграждением потерпевшим, наказание назначалось по возможности, согласно общероссийским законам. Это означало, что адатный суд лишь устанавливал факт наличия преступления в действиях виновного.

Таким образом, политика Кавказской администрации сводилась к постепенному ограничению обычного права горцев и внесению в него изменений, с тем, чтобы подготовить почву для введения законов империи. Практическое претворение этой политики, как отмечено Ф.И. Леонтовичем, осуществлялось шаблонными приемами «без всякой мысли о необходимости соотносываться со "старыми" формами горского быта, без попытки сколько-нибудь рационально приспособить "новый закон" к застарелым условиям патриархальной горской культуры»[169].

Вследствие ослабления значения адата и шаблонным методам введения новых правовых порядков, подчеркивает он далее, «на деле царит, по старому, самоуправство вольнолюбивого и малознакомого с требованиями новой юстиции горца, не сдерживаемого более ни старым своим адатом, ни новым русским "уставом"[170].

Однако, несмотря на все отрицательные явления, связанные с изменениями правового строя Дагестана, в конечном счете обычное право горцев, благодаря влиянию русского права, сделало значительный шаг вперед в своем развитии.

Следует подчеркнуть, что обычное право, как до, так и после присоединения Дагестана к России, оставалось правом сильного и защищало интересы феодальной знати и зажиточных представителей горского общества. Классовый принцип в организации суда и применении горских юридических обычаев в еще большей степени проявлялся царской администрацией. Когда мы говорим о прогрессивных изменениях в обычном праве горских народов, имеется в виду прежде всего устранение из обычного права норм, неоправданно жестоких и несогласующихся с юридическими воззрениями развитых систем права.

Ранее уже отмечалось, что одним из основных мероприятий кавказской администрации являлось полное искоренение института кровной мести. С этой целью отменялось назначение, помимо убийцы, еще побочных канлы.

Администрация, высылая самого непосредственного убийцу на длительный срок из пределов Дагестана, фактически делала невозможным совершение акта мести. В понятиях горцев эта мера соответствовала выходу в канлы, поэтому они смотрели на решения администрации по убийствам «как на нечто незаконченное и временное, скорее как на отсрочку, нежели наказание»[171]. Только в результате длительной судебной практики ссылка на длительный срок за убийство приняла в глазах горцев характер наказания. Следствием этого явилось уменьшение случаев кровной мести и примирение с родственниками убийцы за определенную плату.

В некоторых местностях Дагестана бытовал обычай объявления родственниками убитого присягой семи человек кого-либо своим кровником, если им не был известен подлинный убийца. Этот обычай, называемый джичка, был запрещен в 1862 году и взамен него установлено, чтобы родственники убитого требовали от подозреваемых присяги 40 человек[172].

Были отменены в том же году адаты, согласно которым убийство внутри семьи влекло лишь взыскание штрафа в пользу общества и месть, если это сочтут нужным члены семьи убитого. Адаты, основанные на общественной ненаказуемости преступлений, совершенных членом родственных объединений в своей среде, возникли в условиях господства родового быта и пережиточно сохранялись в течение продолжительного времени, вплоть до XIX века. Одной из главных причин их длительного существования являлось отсутствие достаточно сильной общественной власти, способной к наказанию преступлений внутри семьи. До самого последнего времени не были преодолены воззрения о полной самостоятельности родственных объединений поступать с одним из своих провинившихся членов так, как это признавалось целесообразным самим родственным коллективом. Иначе говоря, любое правонарушение, включая убийство, не затрагивающее интересов членов других родственных объединений, не считалось общественно опасным деянием, хотя морально оно осуждалось.

Разумеется, такая точка зрения совершенно противоречила русскому законодательству, относящему к отцеубийство или детоубийство к виду квалифицированных убийств и соответственно определяющим более суровую меру уголовной репрессии. Эта линия практически осуществлялась в Дагестане с первых же шагов утверждения кавказской администрации.

По адатам Дагестана душевнобольной или несовершеннолетний убийца отвечал наравне с остальными, что также ни в коем случае не могло быть допущено русским законодательством.

Существенные изменения были внесены в дагестанские адаты по имущественным преступлениям.

Отменялся порядок, согласно которому при неизвестности вора, потерпевший с тремя своими родственником принимали обвинительную присягу против избранного или подозреваемого и тем самым обязывали его к возмещению ущерба.

Не применялся и другой обычай, устанавливающий ответственность лица, как соучастника, по присяге семи человек, которых назначал избобличенный вор. Словом, без ясных доказательств виновности нельзя было устанавливать ответственность за воровство или за соучастие. Русское законодательство не признавало присягу и соприсяжничество бесспорным доказательством. И это, конечно, служило определенной гарантией против ложных оговоров и обвинений, вполне возможных в местной судебной практике по прежним адатам.

Запрещались бытовавшие в отдельных обществах адаты о предании огню дома вора. Размеры взысканий за воровство, иногда очень разорительные и непосильные уплате одной семьей, были несколько уменьшены, в частности, виновный не платил штраф в пользу бека или старейших, как это делалось раньше. Изменения в обычном праве горцев коснулись и некоторых гражданско-правовых адатов. С присоединением Дагестана к России теряли свою прежнюю силу нормы адатного права, основанные на полном бесправии женщины в семье и обществе.

В некоторых обществах Дагестана существовал обычай, согласно которому девушка, вбежавшая в дом бека, спасаясь от преследования, становилась рабыней бека, распоряжавшегося ею по своему усмотрению. Такой порядок, предоставлявший частному лицу неограниченное право над другим, противоречил задаче Кавказской администрации, прививавшей горцам взгляд, что наказание личности и исполнение его, и вообще решение вопроса о судьбе кого-либо является делом органов власти, а не частного лица. Этот адат был отменен в **1862** году.

Запрещена была в этом же году практиковавшаяся в некоторых обществах Южного Дагестана уплата мужчиной при женитьбе определенной суммы денег родственникам или опекуну за девушку. Не допускался, как прежде, развод без уведомления об этом сельского суда.

Жена, если она уведомляла о нежелании платить за долги мужа, освобождалась от ответственности, тогда как раньше она во всех случаях платила по обязательствам мужа[173].

Постепенно в обычном праве горцев под влиянием русского законодательства складывалось воззрение, что отношения внутри семьи между родителями и детьми, а также между супругами, должны в определенных случаях регулироваться органами власти, что, несомненно, способствовало ограничению самоуправства и произвола.

Подводя итог, можно отметить, что обычное право горцев во второй половине XIX века под влиянием русского законодательства сделало существенные сдвиги в развитии основных уголовно-правовых и процессуальных понятий. Основное направление в изменении обычного права выразилось в ослаблении начал кровно-родственной солидарной ответственности за правонарушения, уменьшении размеров взыскания, запрещении самоуправства в восстановлении нарушенного права.

В соответствии с политикой администрации в обычном праве устранялись жесткие и неоправданные акты кровной мести, убийства при супружеской неверности, при отказе засватанной женщины выйти замуж и т.д.

Значительно возрастала роль свидетельских показаний и параллельно уменьшалось значение присяги, письменные документы становятся одним из доказательств.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ДАГЕСТАНА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Гюлистанский мирный договор 1813 года между Россией и Персией юридически закрепил включение Дагестана в состав России. Этот факт огромной исторической значимости явился результатом всего предшествующего многовекового развития русско-дагестанских отношений.

Присоединение Дагестана к России, несмотря на колониальную политику и реакционные цели самодержавия, имело объективно-прогрессивные последствия в общественно-экономической и культурной жизни дагестанских народов, связавших свою историческую перспективу с великим русским народом.

Навсегда избавленные от опасности опустошительных нашествий и угрозы порабощения со стороны отсталых восточных деспотий – Турции и Ирана, народы Дагестана получили возможности для развития своей экономики и культуры темпами значительно более ускоренными, чем когда либо в своей многовековой предыдущей истории. Помимо твердо гарантированной внешней безопасности, в Дагестане создались условия для ликвидации феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц на протяжении столетий в значительной мере подрывавших производительные силы края.

Вовлечение народов Дагестана в сферу социально-экономической жизни единого централизованного государства подрывало патриархально-родовые устои, разрушало феодальные формы хозяйства, ускоряло классовую дифференциацию, способствовало оживлению торговли, улучшению земледелия и скотоводства, строительству и улучшению дорог, мостов и т.д.

Горцы, которые, по выражению В.И.Ленина, стояли в стороне от мирового хозяйства и даже «в стороне от истории»[174] были постепенно втянуты Россией пореформенного периода в водоворот капиталистического развития. В результате этого в Дагестане появилась фабрично-заводская промышленность, зарождался и формировался рабочий

класс. Все эти изменения в Дагестане означали огромный толчок в экономическом, общественно-политическом и культурном прогрессе.

Разумеется, что хозяйственные, социально-политические и культурные сдвиги, а также объективно благоприятные условия для материального и духовного развития, создавшиеся в связи с вхождением Дагестана в состав России, не могли привести к социальному и национальному освобождению трудящихся горцев.

Царизм, проводивший свою политику на Кавказе, опираясь на феодальных владетелей, способствовал усилению феодального угнетения горцев[175]. Пользуясь покровительством царизма, дагестанские владетели повсеместно увеличивали размеры податей и повинностей, захватывали общинные земли.

Управление подвластными территориями основывалось на полном произволе и деспотизме феодальных правителей. Сочетая власть собственника с высшей судебной-административной властью, они не считались ни с какими правовыми нормами, заменяя их собственной прихотью и самоуправством. П.В. Гидулянов отмечал, что правитель, разбирая дела, «не стеснялся ни адатом, ни шариатом, а решал дела таким образом как бог на душу положит...»[176]. Не случайно в Дагестане существовала пословица "Бекский закон – бекская прихоть". Сохраняя в первой половине XIX в. управление в руках ханов и беков, царская власть исходила из того, что в лице феодальной верхушки она имела социальную опору и использовала ее для ограничения и уменьшения влияния мусульманского духовенства, всегда враждебного интересам России на Кавказе.

Вместе с тем царское правительство столь же отчетливо осознавало необходимость постепенного ограничения, а затем ликвидации политической власти дагестанских феодальных правителей. Однако в тех конкретных исторических условиях царизм не считал возможным заменить сложившуюся издавна в Дагестане систему управления, так как крутая ломка основ административно-политического строя могли вызвать серьезные осложнения. Полагая преждевременным введение в Дагестане гражданского управления по типу существовавшего в империи, царизм передал всю полноту высшей власти военному командованию. Царская администрация на Кавказе имела право (и часто это право использовали) отстранять от власти феодальных владетелей, действовавших в разрез с интересами России.

Следует, однако, подчеркнуть, что в первой половине XIX в. царское правительство, сохраняя за феодальными владетелями политическую власть, не приняло каких-либо мер для существенного ограничения произвола владетелей, осуществлявших свою власть в самых деспотических формах.

Такое положение, естественно вызвало крайнее недовольство и возмущение народных масс.

С утверждением владычества России на Кавказе, а особенно после присоединения Грузии, а затем Армении к империи, устройство гражданского быта кавказских народов приобретает чрезвычайно важное значение. Главнокомандующий на Кавказе граф И.Ф. Паскевич, признавая совершенно неудовлетворительным гражданское управление, вызывавшее серьезное недовольство правительством, в 1830 г. возбудил ходатайство о проведении коренных изменений в организации административного управления и

отправлении суда. В своем рапорте он отмечал: "Везде учреждения временные; странная смесь российского образа правления с грузинским и мусульманским; нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе"[177].

Для устранения запутанностей, неудобств и других зол гражданского устройства И.Ф. Паскевич предлагал ввести повсеместно в Закавказье российский образ управления и законы и отменить военный суд в гражданских делах. В этом случае, считал И.Ф. Паскевич, «жители будут более сближаться с Россией. Находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менее будут отчуждены от прочих частей государства; между тем как ныне старые обычаи, образ прежнего управления и тот же порядок – все напоминает им отдельное их существование и различие от россиян»[178].

Сенаторы Кутайсов и Мечников, ревизовавшие по поручению царя Закавказский край, поддерживали проект И.Ф. Паскевича. "Когда сенаторы Кутайсов и Мечников обревизовали Закавказье, – писал Иваненко, – они пришли в ужас от всего того, что они здесь увидели и не находили слов для выражения своего изумления. Все законы, все принципы, все заповеди мудрого государственного устройства были здесь попорчены самым безжалостным образом"[179].

Далее цитированный автор приводит обширный перечень крупных пороков в образе правления на Кавказе. Некоторые из них мы считаем необходимым отметить: полное смешение власти административной с судебной и даже законодательной, соединение в одном лице или в одном учреждении обязанностей следователя и судьи, повсеместное смешение российских законов с местными обычаями, господство административного усмотрения над законом, неисполнение караульных приговоров суда с одной стороны и сведение казни без всякого следствия и суда с другой. Рядом со всем этим поборы, взяточничество, неправосудие и всевозможные злоупотребления властью[180].

Вернемся к проекту И.Ф. Паскевича. Государственный совет, а затем особый комитет, рассматривавшие проект, не приняли его главным образом из-за возражений преемника И.Ф.Паскевича – барона Розена, полагавшего невозможным перенести на кавказскую почву русское гражданское управление.

В связи с возникшими различными мнениями об устройстве гражданского быта на Кавказе, была учреждена специальная комиссия для изучения на месте условий Закавказья и разработки проекта управления. Николай I руководство комиссией поручил сенатору Гану, который к лету 1837 года прибыл на Кавказ.

Ган, убедившись, что детальное изучение сословного и административного строя, исторического прошлого кавказских народов требует длительного и кропотливого труда, сразу же избрал другой путь. Он приступил к составлению проекта по имеющемуся у него образцу и закончил его в восемь месяцев, чем не мало были удивлены все, кто был знаком с кавказской действительностью.

Когда Николай I был в Тифлисе, Ган воспользовался случаем и изложил ему замеченные недостатки и упущения существовавшего управления, что повлекло за собой увольнение в отставку Розена – главного противника реформы Паскевича. При рассмотрении проекта Гана в Закавказском комитете было высказано мнение, что проект совершенно не

учитывает местных особенностей и потому не соответствует своему назначению. Сенатор Ган, отстаивая свой проект, утверждал, что недостатки управления на Кавказе проистекают не от того, что здесь не понимают выгод русского законодательства, а от способов и методов его применения. Возражая против тех, что считал необходимым предоставить жителям Кавказа возможность руководствоваться в судебной практике местными законами и обычаями, Ган утверждал, что "местных же законов и обычаев у них вовсе нет, ибо ханы управляли не по законам, а по произволу, милуя и карая только по своей прихоти"[181]. Последнее утверждение было встречено Закавказским комитетом весьма недоверчиво. Для уточнения этого мнения были приглашены Головин и директор его канцелярии и оба они подтвердили точку зрения Гана, которая была совершенно неправдоподобна и абсурдна.

10 апреля 1840 г. одобренный государственным советом и утвержденный затем Николаем I проект Гана стал законом.

Закон этот коснулся и организации управления в Дагестане. Дагестан был включен в Каспийскую область. Дербентский и Кубинский уезды оставались в управлении Дербентского военно-окружного начальника. К Дербентскому уезду были присоединены Кайтаг, Табасаран, Улусский магал. Самурский округ входил в Кубинский уезд.

Внутренний режим управления в Дагестане не претерпел каких-либо изменений.

Гражданское управление, введенное на Кавказе по проекту сенатора Гана, с первых же дней обнаружило свою полную несостоятельность и вызывало всеобщее недовольство. Для обследования положения дел на Кавказе по поручению Николая I были направлены князь Чернышев и Позен, которые, будучи членами комитета, утвердившего проект Гана, тем не менее были принуждены отметить коренные недостатки в организации управления. В докладе Позена, представленном царю, отмечалось: "Управление не удовлетворяет потребностям жителей ни в делах полиции, ни в делах суда, ни в делах хозяйства; народ покинул те надежды, с которыми встретил реформу, забыл все стеснения и злоупотребления прежнего управления и в одних местах словесно, а в других письменно, просит о восстановлении прежних порядков"[182].

Причины этого явления, – подчеркивалось в докладе, – заключались в том, что «самое учреждение, перенесенное сюда из русских губерний, не сообразно со степенью гражданственности жителей, которые имеют совершенно иные понятия, верования, обычаи и образ жизни...»[183].

Реформа 1840 г., на которую царское правительство возлагало большие надежды, оказалась мертворожденной и по прошествии нескольких лет все нововведения были отменены.

Нельзя не отметить, что передовые люди России хорошо осознавали порочность основных начал управления, создаваемого на Кавказе. Великий русский поэт А.С. Грибоедов, прекрасно знакомый с Кавказом и его народами, писал главнокомандующему на Кавказе генералу И.Ф. Паскевичу: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает. Дайте народу им же выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде

присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию»[184].

Полнейшая несостоятельность реформы **1840** года вынудила царское правительство вновь вернуться к разработке основ управления кавказскими народами.

В **1845** году для управления Кавказом была учреждена должность наместника и первому наместнику князю Воронцову, пользовавшемуся особым доверием Николая I, были предоставлены по отношению ко всем отраслям управления в крае власть и права министров.

Князь Воронцов вскоре представил проект преобразования края, утвержденный указом **14** декабря **1846** г. Закавказье было разделено на четыре губернии, в том числе была создана Дербентская губерния. В **1847** году Дербентская губерния, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство вошли в состав Прикаспийского края, управление осуществлялось особым лицом со званием командующего войсками.

В **1856** г. должность наместника Кавказа занял князь Барятинский, который в том же году представил на утверждение Александра II проект организации управления кавказскими народами. Проект этот получил одобрение и стал проводиться в жизнь. В "Положении о Кавказской армии", утвержденном **1** апреля **1858** г., специальный раздел был посвящен управлению горскими народами. С этим разделом связано первое официальное узаконение системы военно-народного управления.

Система управления, получившая название военно-народного управления, не была нововведением Барятинского. Прообраз ее существовал с **1852** г. в Чечне, после покорения которой Воронцов не ввел там ни русских законов, ни русского суда.

Накануне завершения Кавказской войны в начале **1859** г. князь Барятинский писал царю: "Нет сомнения, что в скором времени весь Кавказ покорится нашему оружию и вступит в наше управление; но чтобы на этот раз покорение было окончательным, надо безошибочно решить вопрос: как управлять. Мы не раз уже владели Чечнею и Авариею; непосредственно или через подчиненных нам ханов, наше влияние простиралось на всю восточную половину гор. Все это мы утратили вследствие неправильного устройства нашего управления»[185].

Далее он подчеркивал, что Воронцов предоставил земское управление, суд и расправу самим туземцам, возложив на русское начальство заботы только о главном управлении, и тем самым добился замирения края.

«Всякая перемена, – писал князь Воронцов царю, – и всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно к введению везде, особенно в здешнем крае, а потому в подобных случаях надобно действовать с большой осторожностью. Насильственные меры не только не принесут добра, но могут иметь очень дурные последствия»[186]. Управление по типу созданного в Чечне, рекомендовал Барятинский в заключении, «надо принять образцом для всего Дагестана к для других местностей Кавказа и Закавказья»[187].

Этот "образец", по выражению проф. М.О. Косвена, представлял собой не что иное, как "отдачу горцев в полную и бесконтрольную власть военной администрации"[188].
Специальное «Положение об управлении Дагестанской области и Закавказским округом», введенное в 1860 г., предусматривало проведение основных начал военно-народной системы управления.

В Дагестанскую область были включены бывший Прикаспийский край, за исключением Кубинского уезда, и почти все владения и общества горного Дагестана. Область была разделена на 4 военных отдела: Северный, Средний, Верхний и Южный, куда входит 6 округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Гунибский, Самурский и Бежитский; 4 ханства: шамхальство Тарковское, ханства: Мехтулинское, Кюринское, Аварское и одно наибство – Присулакское. В состав области входили и два гражданских управления: Дербентское градоначальство и управление Порт-Петровска.

Северный Дагестан подразделялся на четыре управления: Даргинский округ, шамхальство Тарковское, ханство Мехтулинское и наибство Присулакское.

Южный Дагестан включал три управления: Кайтаго-Табасаранский округ, ханство Кюринское, Самурский округ с горными магалами, расположенными в верховьях Самура.

Средний Дагестан состоял из четырех управлений: Гунибский округ, Казикумухский округ, Аварское ханство и общества Карата, Богулял, Цунта-Ахвах и Батлук, управлявшиеся ханом Аварии.

Верхний Дагестан объединял общества Джурмут, Канада, Бохнада, Тебель, Ухнаби, Таш, Кель-Анцросо, Анцух, Косдода, Томс, Дидо, Илан-Хеви, Хварши и Тиндал. Все эти общества входили в состав Бежитского округа.

Начальник Дагестанской области был подчинен Главнокомандующему и осуществлял военные и гражданские функции управления.

Ему в области военного управления были предоставлены права командира корпуса, в области гражданского управления – права генерал-губернатора. Для производства дел по всем частям управления при начальнике областей состояли штаб командующего войсками в Дагестанской области и канцелярия начальника области. Канцелярия состояла из двух отделений – гражданского управления краем и управления местным населением.

Начальнику области предоставлялось право употреблять силу оружия против возмущившихся и упорствующих в неповиновении жителей, судить и наказывать по военно-полевому закону политических и других преступников, высылать из края административным порядком вредных и преступных жителей с донесением Наместнику[189].

Военными отделами управляли русские офицеры, а во главе окружных управлений были окружные начальники. Ханства и шамхальство Тарковское сохраняли управление ханов и шамхала, при которых находились русские штаб-офицеры.

Округа были разделены на наибства, куда входили низовые сельские управления. Последние были оставлены в управлении выборных старшин, аксакалов и кадиев.

Административные преобразования были полностью подчинены задачам колониального управления, в основе которого лежала незыблемость сословных и поземельных прав господствующего класса.

При составлении нового положения об управлении Дагестаном князь Барятинский требовал, чтобы оно было основано «... на полном поддержании ханской власти всюду, где она существовала, на устройстве в остальных частях такого управления, которое бы сохраняло уважение к личности, к старинным сословным и поземельным правам туземцев, применяясь к требованиям русских интересов»[190].

Целью русского управления на Кавказе, полагал Барятинский, должно было быть уменьшение влияния мусульманского духовенства, враждебного интересам России и всемерное возвышение высшего сословия там, где оно существовало и создание его там, где его не было.

Свое воплощение эта цель и нашла в "Положении об управлении Дагестанской областью", утвержденном Барятинским.

Создание Дагестанской области и утверждение Положения об управлении имели вместе с тем и объективно-прогрессивное значение. С этого периода ликвидировалась феодальная раздробленность и межфеодальные столкновения. Фактически в значительной мере ограничивалась и политическая власть владетелей, так как при них состояли русские офицеры, имеющие специальное задание смягчить, по возможности, систему деспотического правления ханов.

Упразднение политической и административной власти ханов и беков было только вопросом времени и как только создались благоприятные обстоятельства царское правительство приступило к ликвидации политической власти дагестанских владетелей.

В период с **1860 г.** по **1867 г.** все феодальные владения прекратили свое существование. Вместо них были организованы окружные управления. Ликвидация политической власти ханов и беков привела к освобождению рабов и части зависимых крестьян.

Утрату политической власти дагестанским правителем царизм компенсировал выдачей огромных единовременных сумм, установлением высоких пожизненных пенсий, присвоением высоких чинов, выдачей грамот с признанием права собственности на землю и т.д. Словом, ханы и беки Дагестана, утратив одну привилегию, получали немало других и прежде всего опору на царизм в усилении феодального гнета зависимого крестьянства.

Сохранение феодального господства в Дагестане требовало изменения форм и методов управления населением. Оставляя политическую и административную власть в руках феодальных владетелей, которые пользовались этой властью, вызывая всеобщее недовольство подвластных, царизм отчетливо сознавал, что это недовольство обратится против его непосредственных интересов. Устранив феодальных правителей от власти,

царское правительство в отношении народных масс осуществляло ту же политику, но более подходящими обстановке методами.

Свое господство в Дагестане царизм с самого начала утверждения в крае осуществлял, опираясь на господствующий класс ханов и беков, а опасность своему господству усматривал в оппозиции мусульманского духовенства. Эта постоянная политика уменьшения роли и значения мусульманского духовенства в общественной жизни горцев определила и основные принципы «Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области», утвержденного главнокомандующим Кавказской армии 26 апреля 1868 г.

Автор объяснительной записки к проекту "Положения о сельских обществах..." писал: «Таким образом адаты и вытекающее из них сельское управление, служат нам твердою опорой в предстоящей нам надолго еще тайной борьбе за влияние на народ, с здешним мусульманским духовенством, которое не может остаться равнодушным к тому, что влияние его на народ год от году слабеет главнейше от того, что оно лишилось права чинить суд и расправу»[191].

«Положение о сельских обществах...» в делах сельского управления отдавало преимущество представителям светской власти – сельским старшинам и их помощникам, назначаемым царской администрацией. Сельской сход созывался только с согласия старшины, а решения сельского схода признавались законными только тогда, когда на сходе присутствовали старшина или заступающий его место.

Определяя компетенцию сельского схода, сельских должностных лиц «Положение о сельских обществах» устанавливает точный перечень вопросов, которые могли быть рассмотрены. «Если же сход, – указывается в п. 13, – будет иметь суждение и постановит приговор по предметам, его ведению неподлежащим, то приговор считается недействительным; а лица, участвующие в составлении оно, равно как и в самовольном созвании схода, подвергаются взысканию, смотря по важности дела»[192].

Кроме того, к сельским обществам с разрешения начальника отдела области могли быть причислены беки и офицеры, имеющие в селе постоянную оседлость, что фактически означало сохранение сельского управления в руках феодальных элементов.

Сельские должностные лица старшины, их помощники, судьи, кадии подбирались из лиц, пользующихся доверием царской администрации.

Начиная с низового органа – сельского управления вся система военно-народного управления была очень далека от народа, и по своей сущности была системой, подчиненной задачам колониального управления.

Представительство горских народов в управлении областью носило фиктивный характер и служило для завуалирования социального и национального угнетения.